VI 71
85

M 141
65

Б. Д. Бруцкус.

ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

В ПАЛЕСТИНЕ

Социально-экономический очерк

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАДИМА" ПЕТРОГРАД 1919 Г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

10 ноября 1917 г., за четыре дня до взятия английскими войсками Иерусалима, Министр Иностранных дел Англии, лорд Бальфур, обратился к представителю Всемирной Сионистской Организации лорду Ротшильду с письмом, заключающим нижеследующую декларацию:

«Правительство его Величества выражает свое благожелательное отношение к созданию в Палестине национального центра (national home) для еврейского народа и приложит все усилия к облегчению завершения этой задачи. При этом определенно предусматривается, что ничего не будет сделано, что могло бы нарушить гражданские и религиозные права живущего в Палестине нееврейского населения, равно как права и политическое положение евреев в других странах».

Смысл означенной декларации мы сумеем себе уяснить ближе, если мы сопоставим их с теми требованиями, которые были выдвинуты Всемирной Сионистской Организацией. Основные положения этих требований следующие:

1, Международное признание права еврейского народа на Палестину.

2, Признание за еврейским населением Палестины характера национальности въ государственно-правовом смысле и вытекающих из этого—прав национального языка и широкого самоуправления, с правом производить обложение.

3, Предоставление чартерных прав специальному еврейскому обществу, с преимущественным правом концессий на всевозможные общественные работы и преимущественным правом приобретения казенных и других отчуждаемых земель, равно как и права свободной еврейской иммиграции и всевозможных облегчений для натурализации переселенцев.

4, Административное об'единение всей исторической территории Палестины.

5, Экстерриториализация Святых мест.

Из знакомства с этими требованиями можно усмотреть, что Сионистская Организация не заявляла пока притязаний на еврейское управление Палестиной, и это, пусть временное, отступление от Базельской программы нельзя не признать в высшей степени целесообразным, ибо организация еврейского управления Палестиной—страной, населенной в массе мусульманами и расположенной в центре мусульманского мира, явилось бы делом во всех отношениях рискованным.

Создание в стране культурного европейского режима и обеспечение за еврейским народом известных экономических преимуществ для вселения въ страну, соответствующих примерно об'ему п. 3 требований Сионистской Организации,—это главное, чего сейчас требуют реальные интересы евреев в Палестине. Достижение этих двух целей должно, как мы увидим, значительно повысить продуктивность той работы, которая производилась евреями в Палестине и раньше, и которая будет несомненно тогда производиться в гораздо более широком масштабе.

Со времени английской декларации титаническая борьба народов пришла к своему завершению: армии Согласия одержали полную победу надъ германской коалицией, и в частности Турция, как великая держава, совершенно сокрушена. В настоящее время Согласие является полным хозяином положения в Палестине, и какие-бы то ни было препятствия к осуществлению английской декларации со стороны Турции следует считать совершенно устраненными [1]).

Мало того—полная победа Согласия на Востоке знаменует не только освобождение Палестины из под мертвящего турецкого режима. Мы находимся накануне событий громадного исторического значения. Не подлежит сомнению, что отныне не только Палестина, но и вся Сирия, Месопотамия, прилежащая к ним часть Малой Азии, а, может быть, и вся Передняя Азия перейдет в той или другой форме в управление европейскихъ держав и прежде всего Англии. По примеру испытавшего ту-же судьбу Египта, надо ожидать, что эти заглохшие и опустевшие страны, бывшие некогда первым очагом цивилизации, возродятся к новой жизни. Проектируемый еврейский национальный центр в Палестине выступает теперь в новом аспекте, на фоне возрождающегося Востока.

---

[1]) Согласно последним известиям, конференция пяти руководящих держав Согласия, в соответствии с предложением Сионистской Делегации, постановила передать суверенитет над Палестиной Лиге Народов с тем, чтобы Англии был дан Лигой Народов мандат для управления Палестиной. Англия, с своей стороны, обязуется создать в стране такие политические, административные и экономические условия, которые сделают возможным создание национального очага для еврейского народа и создание автономного еврейского общежития. Если бы Мирная Конференция приняла окончательно указанное постановление, то его следовало бы признать наилучшим решением вопроса.

В этих условиях палестинская проблема получит крупное актуальное значение для еврейского народа. Вопрос об отношении еврейского народа к Палестине, благодаря усилиям сионистов, стоит среди очередных вопросов международной политики, и все сферы еврейского общества должны себе правильно определить ценность того, что добыто 20-летними усилиями Всемирной Сионистской Организации, ибо несомненно, что английская декларация ставит перед еврейским народом такие задачи, перед которыми он никогда еще не стоял.

Вопрос о еврейском центре в Палестине обсуждался до сих пор чаще всего с политической точки зрения. Но наряду с политическими условиями, вопрос о возможном значении для еврейского народа Палестины определится теми социально-экономическими условиями, которые сейчас существуют в стране, и которые создадутся в ней под влиянием возросшей еврейской иммиграции. Социально-экономические факторы в конце концов имеют решающее значение в исторической жизни народов, и только исследование этой стороны вопроса поможет нами выяснить, что реально сможет Палестина дать еврейскому народу. Освещение этой стороны вопроса представляется автору тем более важным, что только при ясном ее понимании еврейские общественные силы сумеют занять правильную позицию в момент громадного исторического значения, связанный с конгрессом мира.

ארץ ישראל

BEIRUT
SAIDA
TYRE
Mebula
Yessod-Hamaelahe
Merom Sea
SAFED
Mishmar-Hajarden
Rosh-Pinat
AKKA
HAIFA
Medjdel
Hattin
Mizpah
TIBERIAS
Jemma
Sedjera
Mesha
Kinereth
Daganie
Abtit
NAZARETH.
Melhamje
Mesra
Merhawja
Zichron-Jakob
Kerkur
Chedera
DJENIN
NABLUS
Kfar-Saba
Petach-Tikwah
Ein-Ganim
JAFFA
Mikweh-Israel
Rischon-le-Zione
Wadi-Chanin
Benshemen
Rechobothe
Ekron
Huldah
Gderah
Kastinie
Artuf
JERUSALEM
BETHLEHEM
Ruchama
GAZA
HEBRON
BEERSEBA
HAFIR
DAMASKUS
MSERIB
DERAA
BOSRA
ES SALT
RABBAT AMON
RABBAT MOAB
KIRMOAB (KERAK)
R. Litani
R. Jordan
R. Jabbok
R. Arnon
Dead Sea
SEA
HERMON
DJAULAN
ANTI-LEBANON
LEBANON
GILEAD
DJLUN
HAURAN
Hauran
MEDITERRANEAN
PALESTINE
Jewish Colonies
Railroads
Rivers

ארץ ישראל

BEIRUT
LEBANON
ANTI-LEBANON
SAIDA
R. Litani
DAMASKUS
SEA
HERMON
TYRE
Melula
DJAULAN
Merom Sea
Yessod-Hamaelah
Mishmar-Hajarden
SAFED
AKKA
Rosh-Pinat
HAURAN
HAIFA
Medjdel
Hattin
Mizpah
TIBERIAS
Sedjera
Mesha
Jemma
Kinereth
Daganie
Atlit
NAZARETH
MSERIB
Melhamje
Mesra
DERAA
Zichron-Jakob
Merhawja
BOSRA
Kerkur
Chedera
DJENIN
DJLUN
R. Jordan
NABLUS
Kfar-Saba
Petach-Tikwah
Ein-Ganim
R. Jabbok
JAFFA
Mikweh-Israel
ES SALT
Benshemen
Rischon-le-Zion
Wadi-Chanin
Rechoboth
RABBAT AMON
Ekron
Hulda
Gderah
Artuf
JERUSALEM
Kastinie
BETHLEHEM
Ruchama
HEBRON
GAZA
R. Arnon
RABBAT MOAB
BEERSEBA
KIRMOAB (KERAK)
HAFIR
PALESTINE
Jewish Colonies
Railroads
Rivers

I. Страна.

Палестина лежит в центре того обширного комплекса стран, которые занимают весь север Африки и Переднюю Азию, и которые известны под собирательным именем Востока. Они состоят в своей массе из обширных сухих степей и настоящих пустынь. Эти громадные пространства служат кочевьями скотоводов, и религия кочевых арабов стала религией Востока. Земли, подходящие для земледельческой культуры, только вкраплены среди этих обширных равнин.

В долинах Тигра и Евфрата, с одной стороны, и в долине Нила, с другой, возникли древнейшие очаги земледельческой культуры и цивилизации на почвах, удобряемых разливами этих рек. Благодатные уголки встречаются около морей, в особенности, если испаряемая ими влага задерживается горами. Одним из таких благодатных районов является Сирия, т.-е. страна, прилегающая к восточному берегу Средиземного моря, имеющему здесь протяжение с севера на юг в 700—800 килом. Здесь, вдоль берега, образовались две складки гор—Ливана и Антиливана, между которыми произошли разрывы земной коры; в глубокой долине между обоими цепями гор текут: на севере—р. Оронт, на юге—впадающая в Мертвое море р. Иордан. В связи с указанными разрывами земной коры, местами выступают вулканические породы—следы, бывших здесь некогда, извержений.

Палестина занимает, примерно, всего лишь южную треть сирийского побережья. Значение исторических процессов, однако, не стоит ни в каком определенном соотношении с размерами страны, на пространстве коей они имеют место. Маленькая Аттика с ее столицей Афинами внесла в культурную сокровищницу человечества больше, чем целые материки. Точно также исторический „Erez Israel“ обнимает ничтожную площадь, которая совершенно не соответствует привычным пространственным представлениям современных евреев, живущих в пределах очень крупных государственных образований. То религиозное движение среди евреев, которое вовлекло в свой круговорот весь мир, по существу развилось среди очень небольшого народа, занимавшего горную полосу между прибрежной равниной и Иорданом. Связь этого населения с Заиорданьем была весьма неустойчивой, а влияние евреев в прибрежной полосе было и совсем

ничтожно. Но когда мы теперь говорим о Палестине, как о еврейском центре, то замыкаться в эти крайне узкие исторические границы невозможно. Уже с момента начала новой еврейской колонизации выяснилось, что ее важнейшим исходным пунктом является прибрежная долина, являющаяся крыльцом Палестины со стороны Европы, к которой евреи неизменно тяготеют. Здесь, с запада, граница определенна—берег моря. На юге и востоке границей Палестины следует признать пределы земледельческой культуры, которые зависят не только от естественных условий, но и от приемов культуры и от политических условий—от защиты, которую государственная власть может предоставить оседлому населению от набегов кочевников. В различные исторические периоды Заиорданье то являлось земледельческой страной с густым населением, то земледельцы вынуждались отступить пред кочевниками. Довольно неопределенна граница Палестины и на севере. Во всяком случае ни Ливан с его чрезвычайно густым, политически почти независимым, христианским населением, ни священный для мусульман город Дамаск с его густонаселенной и хорошо культивированной округой не могут войти в сферу преимущественного влияния евреев. В связи с этим северная граница западной части Палестины не может заходить дальше границы автономного Ливана, в Заиорданье же северная граница должна быть проведена южнее, и во всяком случае не может включать густонаселенных округов Дамаска. В этих пределах насчитывают обычно в Иудее около 9000 кв. кил., в Самарии и Галилее также 9000 кв. килом. и столько-же в лучших частях Заиорданья. Если причислить сюда еще некоторые степные пространства, сейчас не культивируемые ввиду засилья кочевников, но при более благоприятных политических условиях могущие быть культивированными, то мы получаем площадь примерно в 30.000 кв. километров [1]).

Согласно указанному расчету площадь Палестины почти совпадает с площадью Бельгии, измеряемой в 29,5 тыс. кв. кил. Поверхность Швейцарии и Голландии уже на $^1/_3$ больше поверхности Палестины. Несколько схожий по своим естественным условиям с Палестиной остров Сицилия имеет несколько меньшую поверхность—26,7 тыс. кв. кил. Из губерний черты оседлости, наиболее схожая с Палестиной по своему южному обличью Бессарабия занимает поверхность в $1^1/_2$ раза более обширную.

В пределах указанной небольшой поверхности Палестина обнаруживает значительное разнообразие рельефа, почвенных образований и даже климатических условий. В Палестине следует различать пять зон, тянущихся ввиде узких полос с севера на юг параллельно берегу Средиземного моря:

1. *Побережье*—очень узкое в северной части Палестины до гор Кармела и на юг от последних расширяющееся в Саронскую долину. Здесь встречаются очень плодородные глинистые почвы, но частью встречаются и супеси, а также дюнные пески. Вода здесь находится близко от поверхности, и таким образом

---

[1]) С. Каплан-Капланский определяет поверхность Палестины въ 33.890 кв. килом. Если удастся продвинуть колонизацию в юго-восточные степи, то его вычисление не было-бы преувеличенным. Инж. С. Каплан-Капланский „Емкость Палестины". Изд. „Голил" 1917 г.

условия для искуственного орошения благоприятны. Эта долина наиболее культивирована.

2. *Полоса известковых гор к западу от Иордана*, перерезанная на севере плодородной Эздрелонской равниной. Большинство плоскогорий здесь находятся на высоте 500—800 метров. Эта исконная родина Израиля сейчас производит мало благоприятное впечатление, особенно в Иудее: почвы на горах большей частью смыты, и горы стоят голые, древесной растительности мало. Там, где имеются почвы, они мелки. По внешнему облику этих гор трудно себе представить, что среди них жило густое население, многочисленные следы существования коего, однако, и теперь заметны. Но эти горы и теперь вполне поддаются культуре, и их запустение следует признать явлением временным, следствием культурного упадка. Под очень тонким слоем твердой породы, так называемой „нари“, в большинстве случаев залегает слой достаточно рыхлой породы, еще вполне допускающий развитие древесной растительности. В древности горы были покрыты обильной естественной древесной растительностью, замененной постепенно культурными растениями—оливковыми рощами, виноградниками, смоковницами. Дождевая вода по корням деревьев впитывалась в почву, она задерживалась и в специально устроенных цистернах, и на искусственных террассах. Теперь древесная растительность на горах истреблена, цистерн и террасс нет, и выпадающая зимой влага стремительно скатывается вниз, увлекая за собой почву. В связи с этим произошло и понижение уровня грунтовых вод. Все эти явления аналогичны процессам разрастания оврагов в южно-русских степях, которые тоже являются результатом небрежного отношения к естественным силам природы. Однако, разбросанные кое-где рощи олив и новые посадки деревьев в еврейских владениях свидетельствуют о полной возможности восстановления культурного значения этого района.

3. Далее на восток лежит *долина Иордана*. Вытекая из высоких гор, Иордан имеет исключительно быстрое падение. Уже знаменитое Тивериадское озеро лежит на глубине 208 метр. ниже уровня воды в океане, а Мертвое море, куда окончательно впадает Иордан, лежит на глубине 393 м. ниже этого уровня—это самая низкая точка на земном шаре. Наибольшую широту в 30 килом. имеет часть долины между Тивериадским озером и Мертвым морем, так называемый Гор. Она слишком сильно дренирована Иорданом, вырывшим себе здесь глубокую впадину, и вследствие водопроницаемости почв не может быть культивирована без орошения. Сильное падение Иордана и многих его притоков дают обильные источники воды, которые однако пока совершенно не использованы, отчасти в связи с тем, что вся долина из'ята из частной собственности и числится за султаном.

4. *По другой стороне Иордана* лежит опять *горная полоса*, возвышающаяся над уровнем моря на 500—900 метров, по своим естественным условиям схожая с горной полосой по сю сторону Иордана.

5. Горная полоса переходит в *полосу степей*, которая без резких переходов постепенно получает пустынный характер с перемежающимися оазами. Северную часть этого плато составляют, довольно высоко расположенные, пло-

скогорья Гаурана и Эль-Леджа, почвы коих образовались на изверженных породах—базальтах и отличаются исключительным плодородием.

Климат Палестины теплый с сравнительно небольшими колебаниями температуры по временам года. Среднюю годовую температуру прибрежной равнины можно определить в 21° Цел.; в самом холодном месяце, январе, средняя температура—14°, в самом жарком месяце, августе, температура—29°.

При таких климатических условиях там произрастает не только вся средиземно-морская флора, но даже такие представители тропической растительности, как финиковая пальма и банан.

Температура нагорной полосы, в зависимости от высоты места над поверхностью моря, несколько ниже, чем на прибрежьи. Иерусалим, расположенный на высоте 579 метр. выше уровня воды в море, имеет среднюю годовую температуру в 17° Ц. с колебаниями по месяцам от 8,5° до 24,4°. Зимой случаются заморозки, исключающие возможность произрастания здесь представителей тропической флоры. Южнее Иерусалима расположенный Хеврон, вследствие более высокого положения, отличается еще более прохладной температурой. Климат Заиорданья, в общем схожий с климатом западной полосы, отличается несколько большими температурными колебаниями.

Долина Иордана, Гор, имеет совершенно тропический климат. Средняя температура года здесь 24° с очень небольшими колебаниями по временам года.

В общем, климат Палестины не только следует признать благоприятным, но, что главное, вполне подходящим для работы европейцев, каковыми по их физическим свойствам надо считать современных евреев. Не говоря уже про горную полосу и про плато с их более прохладным климатом, но и на прибрежной равнине евреи работают на полях без затруднений. Не жалуются на понижение своей работоспособности и живущие под Яффой и Назаретом немецкие колонисты. Особенно благоприятное гигиеническое значение имеют постоянно дующие днем бризы, которые в жаркие дни приносят с моря прохладу.

Единственное отрицательное явление с гигиенической точки зрения представляет распространенная в соседстве с пониженными заболоченными местами малярия. Однако, в настоящее время не только лечение, но и профилактика этой болезни хорошо разработаны. Еврейские колонисты многого достигли в борьбе с этой болезнью путем обширных посадок эвкалипта. Но самым радикальным средством против малярии является осушка болот и превращение их в культурные площади. Живым укором современным поколениям являются остатки осушительных сооружений, столь часто встречающиеся в Палестине, и не подлежит, конечно, сомнению, что при более культурном режиме болота будут осушены с пользой не только для гигиенического состояния населения, но и для экономических интересов его.

Важнейшим климатическим фактором, от котораго зависит сельское хозяйство такой подтропической страны, как Палестина, является, конечно, количество и распределение осадков. В этом отношении Палестина находится в довольно благоприятных условиях. В то время как соседний Египет отличается совершенно ничтожным количеством осадков, благодаря чему сельскохозяйствен-

ная культура его строго ограничивается орошаемой Нилом долиной, по обоим сторонам которой ширятся пустыни, Палестина в течении зимних месяцев находится под влиянием образующихся в восточной части Средиземного моря циклонов, которые при юго-западных ветрах довольно щедро одаряют Палестину осадками. В большей части Палестины, как на прибрежье, так и в горной полосе, выпадает около 600 миллим. осадков, т.-е. количество, соответствующее тому, которое выпадает в Северо-западном крае или в Польше, и значительно превышающее количество осадков, выпадающее в Новороссии. В Галилее количество выпадающих осадков даже еще выше. Зато в Горе количество осадков незначительно. Точно также количество выпадающих осадков быстро понижается в Заиорданье по направлению к юго-востоку.

Распределение осадков, однако, является на наш взгляд весьма своеобразным. Они продолжаются в течение одного полугодия, в то время как в течение другого полугодия дожди почти никогда не бывают. Первые дожди выпадают в конце октября или начале ноября. Они перемежаются с теплыми солнечными днями и вызывают оживление во всей природе. В конце ноября и в декабре природа представляет картину расцвета, подобную которой мы у нас наблюдаем в мае. С конца декабря начинается период очень обильных зимних ливней при пониженной температуре. Хотя и тогда бывают солнечные дни, но при холодном ветре, так что вегетация несколько задерживается, и деревья, особенно в горной полосе, теряют листву. Этот период дождей затягивается до апреля, но начиная с февраля температура повышается, и природа входит опять в полосу весеннего расцвета. С мая по конец октября дожди имеют место очень редко, но зато растительность оживляют весьма обильные в Палестине росы. Однако, весной и осенью в Палестине нередко дуют юго-восточные, очень сухие ветры пустыни, иссушающие растительность.

Количество выпадающих в Палестине осадков и их распределение таково, что они вполне обеспечивают возможность интенсивной культуры, даже и без сложных ирригационных сооружений, и совершенно естественно, что пришельцы из соседних юго-восточных пустынь должны были, по сравнению с Сирийской пустыней, назвать эту страну „текущей млеком и медом“. Предположение, что климатические условия Палестины существенно изменились к худшему, и что она теперь не в состоянии вместить столь многочисленного сельского населения, которое она вмещала раньше, отвергается компетентными исследователями. „Страна, ее климат и ее произведения“, говорит майор К. Кондер, глава английского „Palestine Exploration Fund“, „теперь таковы же, как они описываются у древних еврейских авторов“ [1]). „Нельзя усмотреть естественных причин, почему бы благосостояние Палестины не могло быть тем, каким оно было в древности, или какое мы наблюдаем в Итальянских провинциях, которые по своему климату и характеру так сильно схожи со Святой Землей“ [2]). Того же взгляда

---

[1]) Mayor C. R. Conder „The future of Palestine“ стр. 7. Изд. „Palestine. Exploration Fund.“

[2]) Тамъ же, стр. 8.

придерживается и известный немецкий агроном Губерт Аугаген, проведший несколько лет в Палестине и опубликовавший в 1907 г. в издании Германского Министерства Иностр. Дел чрезвычайно ценное исследование о сельском хозяйстве Сирии и Палестины [1]). Констатируя, что запустение большей части Палестины, в особенности за пределами побережья, стоит в резком контрасте со следами пребывания на той-же территории весьма многочисленного населения, Г. Аугаген категорически заявляет: „С точки зрения сельскохозяйственной техники я не вижу основания, почему не могло бы осуществиться вновь то, что оказалось возможным в древности“ [2]).

При этом Аугаген отрицает предположение некоторых исследователей, что будто-бы основой благосостояния населения в древности было применение искусственного орошения. „Понадобились-бы громадные сооружения“, говорит он, „чтобы доставить в горах столь многочисленному населению столько воды для орошения. Многочисленные мелкие цистерны, которые находят, доставляли исключительно воду, потребную для людей и скота, но не для культурных растений. А небольшие остатки плотин в долинах служили, повидимому, как они часто и теперь служат, для задерживания земли, смываемой дождевой водой“.

„Для времен, когда страна имела особенно густое население“, продолжает Аугаген, „мы должны себе представить прежде всего широкое распространение мелкокрестьянского землевладения и в сухих районах... Эти мелкие крестьяне все имеют небольшие виноградники, оливковые, фиговые и другие плодовые деревья, здесь и там они располагают небольшими полями и огородами, содержат кур, голубей, овец или коз и очень редко упряжных волов, так как большая часть земли обрабатывается в мелком хозяйстве заступом или вспахивается специальными плугаторами“. Так представляет себе густо населенную прежнюю Палестину современный исследователь ее.

Если, таким образом, в Палестине могло кормиться некогда весьма многочисленное сельскохозяйственное население, не применяя искусственного орошения, то все-же мы должны определенно различать эти системы земледелия,—без орошения и с орошением, по тому уровню интенсивности, до которой они допускают довести хозяйство. Первая система должна больше считаться с естественными условиями и к ним приспособляться, вторая система, где она возможна, открывает сельскому хозяйству более широкие возможности. Начнем с описания первой, которая пока почти единственно практикуется в Палестине.

В палестинском полеводстве, как и у нас на севере, производятся двоякого рода посевы — озимые и яровые. Озими сеются возможно раньше, как только первые осенние дожди увлажнят землю, и снимаются, примерно, в мае месяце. Яровые растения высеваются под весенние дожди в марте-апреле и снимаются в июле и августе. Может показаться странным, каким образом могут яровые растения развиваться при полном бездождии, начинающемся с половины мая. Однако, количество влаги, выпадающее в течение зимы, настолько

---

[1]) Губерт Аугаген. „Очерки природы и сельск. хозяйства Сирии и Палестины“. Перевод с немецк. Изд. Кадима 1918 г.

[2]) См. стр. 89.

значительно, что, впитавшись в почву, оно достаточно для произрастания посевов. Кроме того мы уже указали на обильные росы, характерные для Палестины. Задача земледельца состоит в том, чтобы помочь почве в течение дождливого периода впитать в себя влагу, а в течение сухого периода препятствовать ее испарению с поверхности земли без пользы для растений. Земледельческий опыт многих тысячелетий выработал эти приемы. Они состоят в частой мелкой вспашке в период дождей и в беспрерывном рыхлении междурядий в сухой период. Арабское население, при всей примитивности своего живого и мертвого инвентаря, в общем, правильно практикует эти приемы. Они принципиально схожи с основами сухого земледелия, „dry farming“, выработанными с помощью опытных станций американскими агрономами, применительно к климатическим условиям штатов Дальнего Запада, пропагандируемыми в настоящее время и русскими агрономами применительно к условиям южно-русских степей.

Удобрения арабы не применяют. Таковое до некоторой степени заменяется буйно развивающимися между последовательными вспашками сорными растениями, среди коих сильно представлены азото-собиратели—бобовые.

Среди озимых растений первенствующее значение имеет пшеница. Особенно большую будущность имеет культура пшеницы в Заиорданье, где Гауран и теперь уже является житницей Палестины и Сирии. Здесь родятся лучшие сорта твердой пшеницы, дающие прекрасный материал для производства макарон. Другим важнейшим озимым растением является в Палестине ячмень, заменяющий здесь овес для лошадей. Ячмень южной Палестины, окрестностей Газы и Беершевы, пользуется хорошим реноме, как лучший материал для изготовления виски, и для этой цели вывозится в Англию. Кроме указанных двух злаков, в качестве озимых, сеются еще разные зерновые бобовые растения, как бобы, горох, чечевица, люпин.

Из яровых наибольшее значение имеют дурра и сезам. Дурра есть вид проса, составляющий важный пищевой продукт беднейших слоев населения. Сезам, или кунжут, представляет собой весьма ценное и урожайное масличное растение. Оно и нам-северянам небез'известно, так как из него готовится известное лакомство—халва. Для арабского сельского населения это растение является одним из важнейших источников денежных доходов.

При умеренном естественном плодородии почв, при полном отсутствии искусственного удобрения в течение тысячелетий, урожаи зерновых хлебов у местного населения являются умеренными, хотя, насколько можно судить по немногочисленным материалам, они все-же несколько выше русских норм. Опыт немецких и некоторых еврейских колонистов, однако, показывает, что эти урожаи при удобрении, навозном или минеральном, могут быть доведены до уровня урожаев, получаемых в Западной Европе.

Огородничество возможно без всякого орошения повсюду в Палестине. Огородные овощи уже в настоящее время стали немаловажным предметом экспорта с побережья в Египет.

Скотоводству население земледельческой полосы Палестины уделяет сравнительно мало внимания. Феллахи держат преимущественно мелкий скот, овец и

коз, и из молока готовят особый вид простокваши—„леббен“. Коров держат мало, и они отличаются низкой удойливостью. Такое слабое развитие скотоводства связано с недостатком естественных выгонов. Однако, опыт немецких колонистов показывает, что скотоводство на интенсивной основе вполне возможно. Кормовые травы Европы, как клевер и люцерна, дают прекрасные урожаи под небом Палестины без всякого орошения; возможна и культура кормовых корнеплодов. В то же время выведена уже местная раса Дамасского скота с удойливостью до 200 ведер. Таким образом, и в этом отношении местная природа открывает перед земледельцем благоприятные перспективы. Хорошие условия имеются в Палестине и для второстепенных отраслей животноводства, как птицеводство и пчеловодство.

Но особенно большие возможности представляются в Палестине для многолетних культур. Сирия является едва-ли не родиной оливкового дерева, которое здесь плодоносит столетиями. Из маслин здесь добывают масло весьма посредственного качества, которое частью составляет предмет потребления населения, частью идет на местные мыловаренные заводы. Другое многолетнее растение, которое с успехом может использовать любые почвы и притом горные склоны,— это виноград. Опыт еврейской колонизации показал, какие прекрасные условия представляются в Палестине для культуры миндаля, в частности в горных районах. Там же произрастают с успехом фиги, фисташки, гранаты и другие плодовые деревья.

При умеренных затратах капитала хозяйство без орошения является важнейшим способом использования земли. Но при наличности капитала там, где естественные условия это допускают, орошение под благодатным южным небом открывает совершенно другие перспективы. Оно эмансипирует земледельца от тех ограничений, которые ставит ему недостаточное и неравномерное выпадание осадков, в то время как южное солнце, в противоположность северному, ему таких ограничений не ставит. Тогда как без орошения ежегодно возможно снимать только одну жатву, а от времени до времени еще приходится запускать поле под черный пар, с орошением возможно регулярное снятие с поля, по крайней мере, двух жатв в год. Широкое развитие молочного хозяйства под Дамаском основывается на орошаемых посевах люцерны, дающих в течение года громадное количество корма. Широкие возможности создает орошение и для огородничества. Большое значение имеет также под Дамаском орошение абрикосовых садов.

В Палестине около Яффы получило некоторое развитие только орошение апельсиновых садов, или, как их называют, „бояр“, принадлежавших первоначально почти исключительно арабским купцам. Это орошение выполнялось довольно примитивными приемами, с помощью под'емных колес, и лишь еврейские колонисты его усовершенствовали и поставили на более или менее широкую ногу.

Оставляя пока в стороне экономические условия сельского хозяйства, к характеристике коих я ниже вернусь, уже из обрисованной картины естественных условий Палестины можно усмотреть, что страна эта могла-бы прокормить густое население. Между тем она сейчас имеет довольно редкое сельское насе-

ление, живущее в самых примитивных условиях. В то же время местное оседлое арабское население, т. наз. феллахов, ни в коем случае нельзя считать неспособным к культурному развитию. О его способности к прогрессу свидетельствует между прочим картина высокой земледельческой культуры соседнего, правда христианского, Ливана, но также и некоторых местностей с мусульманским сельским населением, хотя-бы окрестностей Дамаска.

Между тем в Палестине, за исключением немногочисленных пока европейских поселений, более или менее культивируются только лучшие земли на прибрежной равнине. И здесь супеси плохо используются, хотя они подходят очень хорошо для многолетних культур. Еще более печальную картину представляет полоса гор, где кое-где, по долинам и пологим склонам, феллахи кое-как возделывают не очень благодарную, часто очень мелкую почву, а большая часть гор производит гнетущее впечатление своей оголенностью. Встречающиеся масличные рощи, несмотря на благоприятные естественные условия для их развития, с течением времени не разрастаются, а даже сокращаются. Долина Иордана почти совершенно не культивируется. В Заиорданье, в Гауране, встречаются зажиточные поселки друзов и эмигрировавших из России черкесов, или как их здесь называют — мухаджиров, но в большей своей части это — пустынный район. Кое-где в развалинах городов римской эпохи гнездятся полукочевые арабы, производящие небольшие посевы, но готовые каждую минуту подняться со своих мест. Большая часть Заиорданья во власти бедуинов, т. е. арабов-кочевников; они бродят со своими стадами овец и верблюдов по степям, вполнѣ пригодным для земледельческой культуры, подобно тому как татары бродили некогда по степям Новороссии.

Что касается причин запустения Заиорданья, то они связаны со слабостью политической власти Турции. Эта власть не была в состоянии обезопасить земледельческое население от вымогательств и грабежей могущественных племен бедуинов. Только воинственные мухаджиры и друзы умеют себя отстоять от них. Бедуины заходят даже в Западную Палестину, хотя здесь они держат себя осторожнее.

Но и в Западной Палестине, где зависимости от бедуинов нет, под сенью турецкой власти сельское население живет жалкой жизнью, в грязных хижинах, самым примитивным натуральным хозяйством, вымирая от нищеты и болезней. В чем же причина этого упадка?

Он является следствием турецкого режима и прежде всего его налоговой системы. Основу последней составляет сбор десятины, „ошера“, которая, благодаря добавкам, доведена до одной восьмой урожая. Не говоря уже о неправильности взимания налога с валовой ценности урожая, а не с чистого дохода, еще хуже то, что „ошер“ обычно сдается с откупа, и его взимание попадает в руки городских капиталистов. Так как молотьба урожая без разрешения откупщика „ошера“ не разрешается, то это ставит земледельца в тяжкую зависимость от него, и создает почву для всякого рода вымогательств. С древесными культурами обстоит не лучше; земледелец нередко с отчаяния их уничтожает, и в этом причина сокращения древесных культур, имеющего столь роковое значение для горной области. Те деревни, которые сами могут взять на откуп

„ошер", находятся, конечно, в несравненно лучшем положении, но к этому средству в состоянии прибегать только европейские поселенцы, да и то не всегда.

Кроме „ошера" взимается еще „верго", составляющий четыре pro mille капитальной стоимости земли, насаждений и построек; взимается еще налог на скот и подорожный налог.

Взимание некоторых налогов передано организации „Dette publique ottomane", обеспечивающей регулярный платеж Турции по ее иностранным займам. Она взимает 15% с производства всех алкогольных напитков, впрочем, кроме экспортируемых за границу. В ее руках находится и все табачное дело. Последнее обстоятельсгво имеет весьма печальное влияние на судьбы табаководства в Палестине, где естественные условия и для этой культуры благоприятны. Табачную плантацию можно создать единственно только с разрешения „Dette publique", а урожай обязательно свезти на ее склад.

Но важное значение имеет не только тяжесть и неупорядоченность налогового дела, важно и то, что́ правительство дает за это народу. Я только что указал, что в районах, богато одаренных природой, оно не в состоянии обеспечить ни имущественной, ни личной безопасности. Не без связи с этим институт родовой мести сохраняет еще свое значение в нравах туземного населения во всей Палестине. Турецкая администрация, как известно, славится своей продажностью, и „бакшиш" составляет ее прочную основу. О просвещении народа правительство заботится очень мало, а о санитарии и совсем не заботится. Железные дороги прорезали Палестину совсем недавно. До этого приходилось сообщаться по грунтовым дорогам, состояние которых невозможное. Если прибрежная полоса так или иначе находится еще в контакте с портами, вообще хорошо обслуживаемыми европейскими пароходствами, то даже ближайшая горная область была отрезана от Европы, так как сообщаться приходилось по дорогам, по которым могли едва пробираться вьючные животные. Передвижение на колесах есть, вообще, новшество для Палестины, введения коего европейцы добиваются с большим трудом, вследствие плохого состояния дорог. Порты Палестины до сих пор не оборудованы ни пристанями, ни складочными помещениями. Весь этот комплекс хозяйственных, административных и культурных условий в достаточной степени об'ясняет нам упадок сельского хозяйства и бедность сельского населенія.

Яркой иллюстрацией дефектов турецкого управления может служить сравнение состояния Палестины с состоянием, примыкающей к ней с севера, провинции Ливан. Благодаря вмешательству держав, эта провинция, населенная арабами-христианами, получила в начале 60-х годов автономию. В настоящее время она является очагом высокой земледельческой культуры. Население здесь достигло густоты 160 душ на кв. кил., между тем как даже в Иудее население не достигло густоты и 50 душ на кв. кил., в остальных же провинциях Палестины население значительно реже. Покрытый террассами, густо зеленеющий садами и виноградниками, Ливан составляет разительный контраст с запустевшей Палестиной.

Очерченная картина характеризует условия развития сельского хозяйства Палестины к концу истекшего столетия, когда началась еврейская колонизация.

Необходимо, однако, указать, что за последние десятилетия как хозяйственные, так в некоторой мере и административные условия Палестины имели тенденцию к улучшению. На этих влияниях нового времени, на процессах европеизации Палестины, я остановлюсь ниже, а пока перейду к характеристике условий развития в Палестине промышленности и торговли.

Если для развития сельского хозяйства естественные условия страны весьма благоприятны, то этого нельзя сказать про условия развития промышленности. В Сирии и Палестине пока не найдено достаточных залежей ни угля, ни железа. Сирия и Палестина, представляя собой узкую береговую полосу, не имеют за собой плодородного Hinterland'a, который бы обильно ихъ снабжалъ сырьем для дальнейшей переработки. Наоборот, они окружены кольцом пустынь; и с экономической, и с политической, и с культурной точки зрения—это самая слабая сторона этих стран, явившаяся причиной неустойчивости их культуры.

Кроме неблагоприятных естественных моментов, неблагоприятно сложились и общественные условия для промышленного расцвета. Современные промышленные центры культурных стран создались путем вековой работы предприимчивого населения, поддержанного государственной властью. В результате создались громадные скопления капиталов, профессиональных навыков и, что особенно важно, та координация взаимно дополняющих друг друга промышленных отраслей, которая создает специальные преимущества каждому центру в современном промышленном мире, построенном на широкой конкурренции. Этой вековой работы здесь нет и следа. Правительство, связанное капитуляциями, могло взимать лишь огульную пошлину в 8% с ценности ввозимых товаров. При таких условиях зачатки местной мелкой промышленности не могли развиваться. Они, ввиде ремесла, служат лишь для удовлетворения примитивных потребностей местного населения; более состоятельное население удовлетворяет своим более изысканным потребностям ввозными товарами.

В сущности в Палестине имеются только два вида промышленности, взаимно друг с другом связанные, которые, опираясь на местное сырье, дают продукт, являющийся довольно важным предметом экспорта, это—маслобойная промышленность и мыловаренная. Маслобойная промышленность производит из оливок, как мы указали, невысокого сорта продукт, который частью потребляется в пищу местным нетребовательным населением. Для получения более высоких сортов масла необходимы некоторые изменения в технике оливковой культуры. Большая часть оливкового масла идет на мыловаренные заводы, продукт которых сумел себе завоевать хорошее реномме на Востоке, так что, при застое палестинской оливковой культуры, местные заводы вынуждены пользоваться дополнительно сырым материалом, доставляемым из других районов Турции. Из одной Яффы вывозилось в последние годы мыла на сумму свыше 200.000 фунт. стерл.

Следует отметить еще одну отрасль промышленности, которая большого развития не получила, но имеет глубокие корни в местных условиях—это изготовление objets de piété в Иерусалиме и Вифлееме, из дерева и камня с инкрустациями.

Столь же скромное развитие получила и торговля Палестины. При ничтожном развитии промышленности и еще недостаточном развитии сельского

хозяйства, экспорт продуктов невелик. По причинам, которые мы ниже выясним себе, Палестина является сейчас преимущественно страной не производства, а потребления. Импорт двух важнейших портов Палестины, Яффы и Хайфы, существенно превышает экспорт. Эти порты и являются важнейшими местами, регулирующими внешний товарообмен страны. К сожалению, они совершенно не оборудованы пристанями. Особенно неудовлетворительны естественные условия Яффского порта. Корабли вынуждены останавливаться на рейде на далеком расстоянии от берега и перегружаться на лодки, что связано с расходами, а иногда и с порчей товаров. Порт Хайфы имеет естественную бухту, но он лишь недавно получил железную дорогу. Осенью из-за ветров корабли очень нередко не могут остановиться ни в Яффе, ни даже в Хайфе, и они вынуждены бывают итти на Бейрут, единственную оборудованную гавань, примыкающую к Ливану. Таким образом, Бейрут, особенно до постройки железной дороги на Хайфу, оттягивал к себе торговлю Палестины и в короткое время вырос в город с 200-тысячным населением.

Во внутренних городах производится лишь мелкая торговля по распределению товаров и по сбору сырья. Своеобразный характер носит торговля с бедуинами, которые в сухое время года прикочевывают к городам, лежащим по близости степей и пустынь. Здесь они сбывают свои товары: скот (преимущественно верблюдов), шерсть и овечье масло, получая в обмен другие товары. Они широко пользуются кредитом, к которому относятся аккуратно: „Бедуин грабит“, говорят в Сирии, „но долги свои платит“. Однако, главные центры этой торговли—на севере: в Алеппо, Хомсе и Дамаске; города Палестины, Тивериада, Сафед, Хеврон, Беершева и Газа, играют в этой торговле лишь второстепенную роль. Наконец, некоторое значение имеют христианские пилигриммы, которые в последние годы в количестве до 20.000 человек посещали преимущественно Иерусалим; русские богомольцы в их числе составляли добрую половину. Однако, как элемент в общем малосостоятельный, он оставляет в стране немного денег.

Как я уже указал, та картина состояния Палестины, которую мы дали, в общем соответствует тому, что страна собой представляла в первый период новой еврейской колонизации, и который чрезвычайно неблагоприятно отразился на последней. Однако, за последние десятилетия Палестина несомненно вступила в период экономического и культурного под'ема, весьма существенным фактором которого явилась и еврейская иммиграция. На элементах этого поступательного движения мы должны теперь остановиться.

Как ни медленно подвигался прогресс при старом турецком режиме, но он все-таки шел. Беспокойная, бесконечно-деятельная Европа будила и тормошила Восток, и Палестина, Святая Земля христианского мира, куда он некогда посылал своих крестоносцев, не могла быть этим миром забыта. Но теперь христианские государства стремились утвердить свое влияние прежде всего мирным путем. Эта деятельность, однако, и теперь имеет здесь религиозную окраску, и двигателем ее является в значительной мере духовенство.

Уже со второй половины истекшего столетия, когда европейские державы добились, с помощью так называемых капитуляций, привилегированного положения

в Турции, различные христианские религиозные организации, под покровительством западных держав, Франции, Англии, а за последние годы, в особенности, Америки, России и Германии, стали создавать целый ряд учреждений в стране. Возникают миссии, школы, низшие и средние, сиротские дома, госпитали, церкви, монастыри, странноприимные дома и гостиницы. Эти учреждения концентрируются преимущественно в тех пунктах, которые являются святыми для христиан, т.-е. в Иерусалиме, Вифлееме и Назарете. Важнейшим центром всех этих учреждений является, конечно, Иерусалим. В особенности Россия за последнее время грандиозностью своих подворий в Иерусалиме старалась затмить все другие миссии, чему, впрочемъ, соответствует и максимальный приток сюда русских пилигриммов. В Иерусалиме организуются два археологических института, германский и американский, в стране кое-где начинаются раскопки, долженствующие значительно повысить ее привлекательность для туристов. В общем, конечно, численность связанного с этими учреждениями европейского населения незначительна. Но важно то, что эти учреждения поддерживаются правительствами и очень богатыми частными организациями.

Одновременно с этим весьма значительный приток евреев, первоначально направлявшийся, главным образом, в Иерусалим, оживлял страну. Уже в начале 90-ых годов прошлого столетия, цитированный выше, майор К. Кондер констатирует по отношению к Палестине следующий факт: „Большие перемены совершились в населении Палестины, благодаря возрастанию еврейского и христианского элемента, и благодаря уменьшению грубого мусульманского населения и их большему ознакомлению с западной цивилизацией“ [1]). Не хватало еще одного,— чтобы Иерусалим стал доступным для приезжих, чтобы он был соединен железной дорогой с побережьем. В 1892 г. Святая Земля огласилась, наконец, свистом паровоза: Иерусалим был соединен линией длиной в 87 километров с Яффой.

Увеличивающаяся доступность Иерусалима привела к тому, что из значительного потока богатых туристов, которых привлекают величавые развалины Египта, к слову сказать, прекрасно обслуженные мѣстной Fremden-Industrie, известная часть, особенно из англичан и американцев, стала направляться в Иерусалим и в другие Святые места. Численность этих туристов определяли в 6—7 тысяч человек в год, т.-е. втрое меньше численности пилигриммов, и остаются они в стране недолго—2-3 недели. Но это элемент богатый, и он оставляет в стране не менее 3 миллионов франков [2]). Все это должно было способствовать значительному оживлению Иерусалима, население коего стало довольно быстро расти: в 1880 г. его исчисляли в 35.000 чел., в 1915 г. уже в 80.000 чел.

Необходимо заметить, что большая часть указанных элементов, как христиан, так и евреев, являются в стране не производителями, а потребителями, и притом в значительной части весьма состоятельными. Это должно было превратить Палестину, и в особенности Иерусалим, в потребительный центр с пассивным торговым балансом.

---

[1]) The future of Palestine. Стр. 15.
[2]) A. Ruppin. Syrien als Wirtschaftsgebiet. Berlin, 1917. стр. 332.

Помимо евреев, очерк производительной деятельности коих мы дадим ниже некоторое влияние на под'ем производительности страны имела европейская иммиграция. Не говоря уже про просветительную работу христианских учреждений, которая, несмотря на ее слабое соответствие местным условиям, в конце концов дает свои результаты, необходимо выделить немногочисленную группу германских сектантов, т. наз. тамплиеров. Они обносновались первоначально в городах: в Хайфе (1868 г.), в Яффе и Иерусалиме. Постепенно они основали 5 земледельческих поселков: первый—Сарону, под Яффой еще в 1871 г., а затем еще два под Яффой и два под Назаретом. В этих поселках живет всего лишь 600 душ, но немецкие поселенцы имеют ту заслугу, что, обосновавшись почти без внешней поддержки, они первые ввели европейские машины, правильные севообороты с посевами трав и создали рациональное молочное хозяйство, главным образом, заметим, для нужд еврейского потребителя. В своих древесных насаждениях они отчасти уже следовали по путям, проложенным евреями. Около 2000 немцев живут в указанных городах, где они, занимаясь отчасти пригородным сельским хозяйством, в то-же время играют заметную роль в развитии тех начатков промышленности, которые имеются в Палестине. Немцу принадлежит единственный, успешно работающий в Палестине, механический завод, немцу же принадлежит единственная, по-европейски налаженная, макаронная фабрика, они же выстроили немногочисленные, европейски поставленные, отели.

Необходимо также отметить, что некоторые монашеские ордена кое-где занимаются рациональным садоводством, огородничеством и молочным хозяйством. По сравнению с феллахами, прогрессивным элементом следует считать и русских черкесов, которые в числе 15.000 душ живут с 1878 г. в северном Заиорданье. Однако, все-же производительная деятельность всех этих иностранных элементов не может итти в сравнение с значением нового еврейского элемента.

Указанное выше развитие Иерусалима, как потребительного центра, не могло не повысить значения Яффы, издавна являющегося главным портом Иудеи, хотя и поныне остающимся не оборудованным. К тому же Яффа оказалась окруженной кольцом еврейских колоний, которые вместе с 3 немецкими колониями оказали своим примером влияние на сельскохозяйственную культуру всего района. Разростание Яффы шло особенно быстро: в 1880 г. там насчитывалось всего лишь 10.000 жителей, а в 1915 г. уже 40.000. О быстром росте товарообмена Яффы можно судить по следующим цифрам посещаемости ее паровыми судами [1]):

Годы	Число прибывших судов	Тоннаж
1903	425	577.000
1910	707	1.115.000

Таким образом, за семь лет тоннаж почти удвоился. На Сирийском побережье только Бейрут несколько превышает по своему значению Яффу, как порт.

Событием другого порядка, имеющим чрезвычайное значение для Палестины, является прокладка Геджасской дороги, долженствующей быть про-

---

[1]) Curt Nawratzki. Jüdische Kolonisation Palästinas. München, 1913, стр. 422.

долженной до Мекки. Ближайший участок к Палестине начал функционировать в различных своих частях за период 1902—04 г., а в 1908 г. дорога достигла до самой Медины. Основным побуждением к ее постройке было желание облегчить мусульманским пилигриммам, особенно прибывающим с моря, доступ к святым местам. Но для Палестины она имела громадное значение в том отношении, что, проходя на границе Сирийской степи в том месте, где она переходит в пустыню, дорога эта существенно усиливала влияние государственной власти во всем Заиорданье, и таким образом колонизация Заиорданья с этого момента стала возможной. Одновременно с этим дорога эта связала Заиорданье с портом Бейрута через Дамаск. Специальная ветка на Басру связала с рынками и плодородный Гауран.

Большое значение для экономической консолидации Палестины имело последовавшее вскоре, в 1904—06 г., открытие железнодорожной линии от порта Хайфы до ст. Дераа Геджасской линии. Эта дорога прорезала важнейшую на севере Палестины Ездрелонскую долину, прошла мимо современного средоточия еврейской колонизационной работы в нижней Галилее, перерезала Иорданскую долину к югу от Генисаретского озера и по долине притока Иордана, Ярмука, вышла в Заиорданье. Таким образом, Заиорданье получило более близкий выход к морю через порт в Палестине, хотя и не оборудованный, но обладающий естественной бухтой. Вместе с тем и поток мусульманских пилигриммов направился теперь через Хайфу. Но значение Хайфы возрастает еще больше потому, что она оттягивает к себе и грузооборот Дамаска. Хотя этот важнейший, наряду с Алеппо и Бейрутом, центр Сирии имеет кратчайшую дорогу к порту Бейрута, но дорога эта проходит через высокий перевал на Ливане и потому не отличается большой провозоспособностью. Таким образом, перед портом Хайфы открылись большие перспективы, которые уже отразились на его посещаемости. Порт этот даже имеет в будущем шансы на более быстрое развитие, чем Яффа. О быстром росте значения Хайфы можно судить по следующим данным о приходе в гавань паровых судов [1]):

Годы	Число судов	Тоннаж
1904	354	372.882
1910	555	771.444

Таким образом, за 6 лет тоннаж приходящих судов увеличился слишком вдвое.

Приводим еще сравнительные данные об оборотах палестинских портов и Бейрута [2]):

Порты:	Оборот в 1912 г. (в тыс. фун. стерл.).
Бейрут	2.023
Яффа	1.864
Хайфа	840

[1]) A. Ruppin. Syrien als Wirtschaftsgebiet, стр. 314.
[2]) Там-же, стр. 196.

Мы видим, что Яффа, несмотря на большие дефекты своей гавани, уже догоняла Бейрут по своим оборотам, а оборот обоих важнейших портов Палестины уже превосходил обороты Бейрута. Кроме указанных портов местное значение имеют порты Акки, Газы и Сура (Тира).

Проведение Геджасской дороги и дороги на Хайфу имело для Палестины еще то важное значение, что эти дороги соединили страну, сначала в северной ее части, со всей Сирией, Малой Азией, а через Багдадскую дорогу и с Месопотамией. Пусть эти рынки не очень богаты, но для многих товаров они достаточно емки.

Война явилась важным толчком для дальнейшего дорожного строительства в Палестине. Линия от ст. Афуле на Хайфской дороге до Лидды на Яффа-Иерусалимской дороге с веткой на Наблус и линия от Вади-Серар последней дороги через Бершеву до Гафира прорезали горную полосу Самарии и прошли по самой границе, отделяющей Саронскую долину от Иудейских гор. Положение по отношению к железнодорожному сообщению значительной части западной горной полосы теперь существенно улучшилось.

Едва-ли не большее значение имеет еще значительная сеть грунтовых дорог, которая проведена в Палестине в связи с войной в самых различных направлениях, причем две из них, из Дамаска на Рош-Пину и из Иерихона до Аммана, прошли и по Заиорданью. Эти колесные дороги имеют особенное значение для горных районов, которые до сих пор были доступны лишь для вьючных животных.

Для успешного экономического развития каждой страны большое значение имеет характер тех стран, которые к ней прилегают. Палестина, как страна с земледельческими перспективами, нуждается в тесной связи со странами, которые могли-бы служить потребителями ее земледельческих продуктов. Связь через Средиземное море с самыми богатыми европейскими странами является ее великим преимуществом. Однако, при теперешней мало совершенной постановке ее транспортной организации, при отсутствии хороших гаваней, холодильников и даже амбаров, далеко не для всех своих земледельческих продуктов Палестина может использовать европейские рынки. Даже и для вполне транспортабельных продуктов эти богатые рынки бывают часто слишком требовательны в отношении качеств продукта или слишком перегружены конкурренцией. Тем менее их можно использовать для более нежных продуктов, подверженных порче. По указанным причинам далекие рынки Европы не могут вполне заменить более близкие рынки. И в этом отношении Палестина находилась еще недавно в неблагоприятном положении. С востока и юга, как мы указали, она окружена пустынями. С севера к ней примыкает Сирия и притом ее наиболее населенными районами Ливана и Дамаска. Но ни Ливан, ни Дамаск не находятся в стадии промышленного расцвета. Наоборот, шелковая промышленность Ливана в последние десятилетия приходит в упадок, и то же надо сказать про выделку мебели и металлических изделий в Дамаске. Прогрессирует, главным образом, их сельское хозяйство. А так как его характер схож с таковым же Палестины, то Сирия не может иметь для Палестины большого значения, как рынок сбыта ее сельскохозяйственных продуктов. Однако, и в этом отношении экономические

условия Палестины начинают существенно улучшаться благодаря тому, что она приходит в более тесный контакт с той страной, с которой вся история Палестины была так тесно связана,—с соседним Египтом.

Египет уже с середины истекшего столетия вступил на путь прогрессивного экономического развития, а утверждение в 1882-ом году английского управления явилось началом небывалого экономического расцвета страны. Англия упорядочила финансы страны и в то же время блестяще поставила систему ирригации, так что, с одной стороны, значительно возросла площадь используемой земли и, с другой стороны, получилась возможность с 40% площади снимать не одну, а несколько жатв в год. Новые условия вызвали стремительный рост населения страны: в 1882 г., к моменту английской оккупации, в ней насчитывалось 6.831 тыс. населения, а через 25 лет, в 1907 г., численность населения достигла уже 11.287 тыс. Если принять во внимание, что в Египте населена почти только долина Нила, которая по площади не превышает Палестины, то надо признать, что Египет в настоящее время по густоте своего населения оставил за собой любое из государств или провинций Западной Европы. Выражением широкого вовлечения Египта в сферу мирового хозяйства является стремительный рост его внешней торговли, о чем можно судить по следующим данным [1]):

	Ввоз	Вывоз
Годы	Ценность въ тысяч. егип. фунт.	
1884	8.182,7	12.553,3
1911	27.227,1	28.599,0

За указанный период ценность ввоза возросла в $3^1/_2$ раза, а вывоза в $2^1/_4$ раза. Египет, как и Палестина, является страной сельскохозяйственной. И тем не менее Египет имеет для Палестины чрезвычайно большое значение, как рынок сбыта—по двум причинам. Во-первых, Египет нашел свою исключительно доходную культуру, на которой еще до английской оккупации базировалось его народное хозяйство,—это культура хлопка. Благодаря английскому управлению, народное хозяйство чрезвычайно развилось, причем, однако, указанное направление народного хозяйства еще более акцентуировалось. В настоящее время почти весь вывоз Египта слагается из хлопкового волокна, надо заметить, весьма высокого качества, и других продуктов хлопководства. Высокая доходность хлопководства естественно отодвинула на второй план другие отрасли сельского хозяйства, и, таким образом, получилось положение, что Египет, страна сельско-хозяйственная, нуждается в импорте большого количества питательных продуктов. Другое обстоятельство, делающее Египет очень важным рынком для Палестины, является наличность в нем больших городов: в двух только крупнейших городах Египта, в Каире и Александрии, в настоящее время насчитывается около 1 миллиона населения; значительную часть этого населения составляют европейские элементы, играющие руководящую роль в жизни страны и

---

[1]) F. Magnus. Aegypten. Seine volkswirtschaftlichen Grundlagen und sein Wirtschaftsleben, стр. 228. Египетский фунт почти равен англійскому фунту стерлинг.

являющиеся богатыми потребителями. Затем Египет, благодаря своим замечательным древностям и сухому климату, стал одним из важнейших мировых центров туризма, а также разного рода санаторий.

Уже теперь Египет является важнейшим потребителем продуктов Палестины. Если по отношению к апельсинам, главному продукту вывоза из Яффы, Египет, в качестве рынка, имеет второстепенное, хотя и возрастающее значение, то зато в Египте сбывается почти все вывозимое из Палестины мыло, главная масса вина, почти все огородные овощи и значительная часть зерна. Если-бы Палестина производила табак надлежащих высоких сортов, то Египет мог бы его целиком поглотить, ибо он имеет развитую табачную промышленность, пользующуюся прекрасным реномэ, но совершенно не располагающую на месте сырьем. Вследствие дефектов и в организации сельского хозяйства Палестины, и в ее транспортных средствах, постоянно растущий египетский рынок далеко еще ею не использован. Надо указать, что до сих пор Палестина сообщалась с Египтом только морем. Турецкое правительство по политическим мотивам не желало создавать железнодорожной связи с соседней страной, и только военные соображения побудили его, наконец, допустить прокладку железной дороги Вади-Серар—Бершеба—Хафир к египетской границе. В настоящее время для соединения этой дороги, завоеванной англичанами, с Египтом уже построен мост через Суэц, и таким образом железнодорожная связь Палестины со столь близким Египтом, наконец, установлена. Принимая во внимание соотношение численности населения Палестины и Египта, а также продолжающийся экономический прогресс этой последней страны, надо признать, что вопрос о рынках сбыта для палестинского сельского хозяйства может быть решен с легкостью. Палестина имеет достаточно богатый ближний рынок, она обладает и богатейшими более далекими рынками. Дело только за тем, чтобы поставить транспортную организацию Палестины в соответствие с открытыми перед страной возможностями.

Конечно, для того, чтобы экономический прогресс Палестины, как и других провинций Турции, двигался в том темпе, в каком развивается соседний Египет, должны были-бы коренным образом измениться политические условия Турции. Кое-какие предпосылки для таких изменений отчасти дал произведенный в 1908 г. младотурецкий переворот. Накануне войны были, наконец, облегчены условия для ипотечного кредита — этого необходимого условия быстрого сельскохозяйственного прогресса, было разрешено приобретение земли юридическими лицами и, наконец, было приступлено к составлению кадастра земель. Этим сделаны первые шаги к европеизации аграрного строя. Для развития промышленности ввозная пошлина была повышена до 11% стоимости. Но все это, конечно, только первые робкие шаги. „Ошер“ по-прежнему оставался основой турецкой финансовой организации, и едва-ли когда-либо даже и младотурецкий режим оказался-бы в состоянии создать те административные, финансовые и культурные предпосылки, которые необходимы для прогрессивного развития тех некогда цветущих стран, которые пришли в печальный упадок под властью турок.

II. Евреи в Палестине.

Мы уже указали выше, что еврейская иммиграция в Палестину явилась одним из важнейших факторов экономического прогресса этой, находившейся в полном упадке, страны. Перейдем теперь к характеристике экономического положения и экономической деятельности евреев в Палестине.

В центре внимания еврейского общественного мнения, когда говорят о еврейском деле в Палестине, стоят еврейские земледельческие поселения, на создание и консолидацию коих были затрачены очень крупные средства и силы. Как мы ниже еще подчеркнем, можно согласиться с тем, что для будущего Палестины эта колонизационная работа имеет наибольшее значение. Однако, едва-ли это можно сказать про настоящее. Пока в колониях живет еще только 15%—20% еврейского населения Палестины. Приток евреев в палестинские города гораздо более старой даты, чем в колонии, и несмотря на малоценный, по его экономической продуктивности, элемент, который города Палестины к себе главным образом привлекали, все-же его значение в экономической жизни этой небольшой страны было весьма существенно, и потому на краткой характеристике этой большей части еврейской иммиграции мы прежде всего и остановимся.

В начале истекшего столетия среди весьма немногочисленного еврейского населения Палестины, жившего в бедности и не отличавшегося энергией в своей культурной жизни, преобладали потомки испанских евреев, сефарды, сохранившие язык прежней родины их предков. Первые четыре десятилетия истекшего столетия были чрезвычайно бедственными для населения Палестины вообще, и для еврейского населения в особенности, в связи с вторжением Наполеона, последовавшей анархией и долголетней борьбой Египта с Турцией. С окончательным укреплением в стране турецкой власти и с водворением там кое-какого порядка и спокойствия, приток еврейских иммигрантов стал усиливаться. С утверждением в 1856 году особых привилегий для иностранцев, так называемых капитуляций, влияние Европы в Турции, и в особенности в Палестине, усилилось, и это еще больше увеличило приток евреев. Мотивом, двигавшим иммигрантами, была религиозная привязанность к стране, и

значительную часть иммигрантов составляли старики, которые ездили в Палестину с нарочитой целью умереть в Святой Земле. Экономическим основанием иммиграции являлась „халукка“, т.-е. пожертвования, издавна собираемые среди всемирного еврейства в пользу переехавших в Палестину евреев. Иммигранты направлялись в четыре, почитавшиеся священными, города Палестины: Иерусалим, Сафед, Тивериаду и Хеврон. До начала войны в Ерусалиме на 80 тысяч жителей насчитывали около 45 тысяч еврейского населения, 8 тыс. евреев жило в Сафеде, 4 тысячи в Тивериаде, составляя около половины населения этих двух городов; наконец, в Хевроне евреи составляли не более 1000 человек из общей массы 25.000 населения [1]). Летом 1916 г. была впервые произведена перепись еврейского населения Палестины. К сожалению, эта перепись захватила евреев в исключительно бедственный для них момент; значительная часть покинула страну, оставшаяся часть переживала всевозможные бедствия. Вместо предполагавшихся 56 тыс. в городах Иудеи оказалось всего только 33692 евреев. В сущности в Иерусалиме оказалось только 26605 евреев. Едва-ли такую большую разницу можно об'яснить только военными событиями. Не исключена возможность, что прежняя оценка численности еврейского населения в Иерусалиме страдала преувеличением.

Как мы можем усмотреть из сказанного, в Палестину притекал элемент, который ни в коем случае нельзя признать экономически сильным. При всем том население этих городов, так называемый старый „jischuw“, нельзя считать живущим исключительно за счет „халукки“. Обследование, произведенное в 1910 г. в Иерусалиме Барзилаем и опубликованное в „Haschiloach“, показывает, что около $^2/_3$ еврейского населения получает от „халукки“ совершенно ничтожные пособия, а до 10% населения совсем „халукки“ не берет. Из массы еврейского населения Иерусалима известная часть получает помощь непосредственно от родных, многие приезжают с кое-какими средствами, и наконец, значительная часть евреев втянута в торговлю, ремесла и мелкую индустрию; среди отраслей последней следует отметить изготовление религиозных предметов не только для нужд евреев, но и для нужд христиан. Наличность в Иерусалиме богатых христианских учреждений, усилившийся приток паломников и туристов создали известный спрос на ремесла и торговлю.

Процессу перерождения населения старого ишува в экономически здоровый элемент не мало содействует работа различного рода учреждений европейского еврейства, особенно Alliance Israélite Universelle, а в последнее время также Hilfsverein der deutschen Juden. Наряду с чисто культурной работой делаются попытки непосредственного экономического воздействия на местное население в целях привлечения его к труду. В этом отношении наибольшую заслугу имеют основанные по инициативе сионистской организации художественные мастерские „Вецалел“, в которых работает свыше 400 человек. Главное внимание обращено на плетение ковров, филигранные работы, работы по дереву, плетение кружев и т. п., причем учреждение это пытается выработать особый еврей-

---

[1]) A. Ruppin. Syrien als Wirtschaftsgebiet, стр. 11.

ский стиль в своих работах. Alliance Israélite Universelle содержит в Иерусалиме ремесленную школу, и затем ученикам школы оказывается содействие в открытии мастерских на месте. Еврейское Колонизационное Общество содействовало устройству в Иерусалиме ссудосберегательного товарищества.

Нельзя не признать выражением активности иерусалимского еврейства его строительство. Вследствие чрезвычайной тесноты заключенного в стены старого города, евреи в складчину стали устраивать пригороды за его стенами, и эти пригороды ныне занимают уже бóльшую площадь, чем старый город. Первоначально эти своего рода строительные кооперативы создавались без всякой внешней помощи небогатым еврейским населением Иерусалима, причем выплата долгов шла очень аккуратно. Впоследствии обществам выселенцев предоставил большую ссуду Моисей Монтефиоре, а в последние годы и Евр. Колониз. Общ. стало строить дома для трудящегося населения.

Несмотря на некоторый прилив более культурных элементов в Иерусалим, ни экономической, ни культурной проблемы старого ишува нельзя считать решенной. Прилив „халукки“ и рентных доходов, сопровождавший рост еврейской иммиграции, содействовал, правда, превращению Иерусалима в потребительный центр, но производительным центром он не является, и товарные вагоны Яффской железной дороги все еще возвращаются от него пустыми.

Особенно отсталым является еврейское население Сафеда и Тивериады, в которых, ввиду дешевизны жилищ и продуктов, „халукка“ представляет большую реальную ценность. В последнее время сделаны кое-какие попытки выведения евреев из стен гетто и приближения их к земле. Но это только первые шаги. Молодые, духовно более здоровые элементы, вырастающие в этих городах, не найдя себе здесь достаточного поприща, уезжают в Америку и Австралию. Таким образом, страна, в которую стремятся направить еврейскую эмиграцию, пока сама дает ежегодно не менее тысячи еврейских эмигрантов.

Я уже указал, что в последнее время Иерусалим стал притягивать к себе и более свежие элементы. Но важнейшим городским центром нового ишува является г. Яффа, численность еврейского населения коего, прежде ничтожная, превысила до войны 10 тысяч, составляя 25% всего населения города. Город этот является центром, вокруг которого группируется важнейшее ядро еврейских колоний, и еврейское население его стоит в теснейшей не только культурной, но и экономической связи с колониями. Значительную часть его населения составляют еврейские мелкие капиталисты, которые вложили свои средства, в апельсинные, виноградные и разные другие древесные насаждения колоний, и которые находят для себя удобнее проживать в городе. Далее следуют купцы, которые, благодаря своим заграничным, частью русским, связям, завоевали себе положение в местной торговле, инициаторы местной, только что зарождающейся, промышленности, профессиональная интеллигенция, лица служащие в различных еврейских учреждениях. Создание в Яффе еврейской гимназии также благоприятствовало приливу сюда состоятельного еврейского населения, и, несмотря на меньшую по сравнению с Иерусалимом численность своего населения, смотрящая в сторону Европы Яффа имеет в еврейской жизни Палестины значение передового культур-

ного центра. Создание европейски благоустроенного еврейского квартала „Тель Авив“ послужило дальнейшей, культурной консолидацией яффских евреев.

В настоящее время у нового еврейского ишува Палестины зародился второй городской центр—Хайфа. Еврейское население Хайфы определяют в 3 тыс. душ на общую численность населения в 20000 душ. Однако, ввиду того, что в ближайшем будущем значение Хайфы, как порта, быть может, даже превзойдет значение Яффы, а также ввиду постройки в Хайфе еврейского техникума, следует ожидать очень быстрого роста этого города вообще и его еврейского населения в частности.

Несмотря на сравнительно сильную еврейскую иммиграцию в Палестину, еврейское население встречается в значительном числе лишь в нескольких городах. В остальных мелких городах и даже в некоторых сравнительно крупных, как Газа (30 тыс. душ населения), Наблус (30 тыс.), Назарет (20 тыс.), евреев имеется по нескольку семейств, а во многих городах их даже совсем нет. Что касается Заиорданья, то пока там нет ни еврейского городского населения, ни еврейских колоний.

Во всяком случае, имеющееся в указанных городах еврейское население содействовало их оживлению. Евреи играют деятельную роль и в начинающей развиваться промышленности, и во внешней торговле. Они сильно увеличили значение городов, как потребительных центров, как для продуктов преимущественно импортной промышленности, так и для местного сельского хозяйства.

Однако, когда говорят о новом заселении евреями Палестины, то имеют ввиду на первом плане ее земледельческую колонизацию, на развитие которой различными еврейскими организациями были затрачены большие усилия. Особое внимание к земледельческой колонизации об'ясняется тем, что евреи задаются в Палестине задачей органического строительства, которое естественно должно начаться с сельского хозяйства, особенно в такой стране, как Палестина, промышленные и торговые перспективы которой, как мы видели, не широки. И затем задача земледельческой колонизации для евреев, как неземледельческого народа, является наиболее трудной. Еврейская земледельческая колонизация прошла ряд болезненных этапов и имеет своеобразную и поучительную историю.

Идея еврейской земледельческой колонизации в Палестине зародилась давно и проповедывалась отдельными лицами, отчасти и христианами, и в Западной, и в Восточной Европе. Основание в 1871 г. Alliance Israélite Universelle еврейской земледельческой школы Микве-Израиль под Яффой было в известной мере отражением этой идеи. Школа эта имела некоторое значение для разработки техники палестинского сельского хозяйства, но школа сама по себе не могла быть движущим моментом в колонизации.

Первый шаг к колонизации сделала группа евреев из Иерусалима, которая в 1878 г. приобрела значительный участок в слишком 1000 гектаров на реке Аудже на северо-восток от Яффы. Но вследствие недостатка средств, незнакомства с земледелием и нездорового (по малярии) местоположения, новым поселенцам долго не удавалось обосноваться на новом месте, названном ими Цесах-Тикво, Вратами Надежды. Вскоре разразились в России погромы, и на-

циональный под'ем, связанный с этими политическими событиями, вызвал более значительное колонизационное движение среди русских, а также и румынских евреев, в котором играла большую роль и еврейская студенческая молодежь в лице группы „Билуй". За 1882—84 гг. в различных частях Палестины было основано 6 колоний, но эти колонии развивались очень плохо. Кроме общих неблагоприятных условий Палестины, очерченных выше, неблагоприятно влияла полная неподготовленность первых поселенцев к решению той задачи, которую они на себя взяли. Поселенцы покупали обычно недостаточные участки земли, неподходящего качества, не могли совладать с затруднениями по юридическому закреплению сделки, да и не знали, как взяться за работу. На помощь новым поселенцам пришли палестинофильские кружки, основавшиеся тогда в России и в начале 90-ых годов создавшие в Одессе Общество вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине. Но решающее значение для дальнейшего развития колоний имела щедрая поддержка, оказанная им парижским Ротшильдом.

Идея Ротшильда состояла в том, чтобы перенести в еврейские колонии Палестины наиболее интенсивные культуры, которые характерны для юга Франции, и прежде всего ее виноградарство и виноделие. Ассигнуя значительные средства для закладки на землях колонистов виноградников, Ротшильд поставил во главе дела обширный штат собственных администраторов. Полевые культуры были в совершенном загоне. Пока виноградники не созреют, колонисты получали вознаграждение за работу по их закладке, а если им не хватало на жизнь, то они получали пособия. Устроив колонию Экрон из евреев земледельцев Гродненской губернии, администрация принудила и этих привычных хлебопашцев перейти к виноградарству.

Результатом этой политики было то, что еврейская колонизация Палестины потеряла всякий здоровый экономический базис. Привыкнув к пособиям и к полной зависимости от администрации, колонисты утратили всякую инициативу и сознание экономической ответственности. Работы выполнялись преимущественно арабами, и колонисты слабо втягивались в трудовую жизнь.

Одновременно администрация Ротшильда воздвигла большие винные погреба оборудованные по последним правилам техники в колониях Ришон-Лецион Зихрон-Якоб и Рош-Пина.

Когда виноградники стали, наконец, плодоносить, и можно было уже надеяться покончить с системой пособий, возникли новые затруднения. Прежде всего французские сорта винограда, перенесенные в совершенно иные условия, не дали, конечно, того высокосортного продукта, который они дают во Франции. И кроме того администрация погребов не оказалась в состоянии реализовать сколько-нибудь значительные количества вина. Для колонистов была фиксирована определенная цена за виноград, которую они считали скромной, но которая была значительно выше той, которую сами погреба выручали за вино. В то же время на виноградниках стала распространяться опасная болезнь—филоксера. Колонии обходились Ротшильду неимоверно дорого. Колонисты, с своей стороны, видели полную экономическую несостоятельность дела.

Одесское Палестинское Общество, констатируя неудачу Ротшильда, попыталось в середине 90-ых годов создать небольшую колонию, Кастинию, нового типа — чисто хлебопашескую, мечтая о крестьянском хозяйстве натурального типа. И этот опыт не имел успеха.

К концу столетия еврейская колонизация Палестины крестьянского типа, казалось, находилась в безнадежном состоянии. Колонисты упали духом, молодежь разбегалась из колоний и эмигрировала, не видя для себя будущности. Эти безнадежные настроения нашли себе отражение в известном докладе Л. Моцкина Первому Сионистскому Конгрессу в 1897 г.

В 1899 г. Ротшильд, убедившись в том, что он не в силах справиться с взятой на себя задачей, решил предоставить заведывание палестинскими колониями Еврейскому Колонизационному Обществу (I. C. A.), ассигновав на это соответствующие средства. И к чести этого общества, всегда подвергавшегося ожесточенным нападкам со стороны сионистов, приходится признать, что с неимоверно трудной задачей устроения еврейских колоний Палестины оно сумело справиться вполне удовлетворительно.

I. C. A. решило окончательно порвать с глубоко деморализовавшей колонистов системой благотворительности и опеки. Колонисты должны быть окончательно устроены и в дальнейшем вести хозяйство за свой счет и за свою ответственность. Администрация была устранена. Для того, чтобы прочно обеспечить благосостояние колонистов, необходимо было отказаться от односторонней системы виноградарского хозяйства. Каждый колонист должен был получить участок в 25-30 гект., на котором можно было бы завести полевое и скотоводческое хозяйство. Это хозяйство и должно составить основу благосостояния колониста, обеспечивая его всем необходимым в натуре, специальные же культуры должны дать тот денежный доход, без которого еврейский колонист обойтись не может. Для достижения этой цели пришлось увеличить землевладение колоний. Поскольку в Иудее не удавалось приобрести земли, I. C. A. не останавливалось перед переселением колонистов в новые колонизационные центры, созданные им в Нижней Галилее. Известная часть колонистов была уже настолько деморализована системой Ротшильда, что никак не могла помириться с прекращением „Stütze“. Не без претензий на жестокосердие I. C. A. им пришлось покинуть колонии, и их участки перешли к новым хозяевам, более призванным к занятию сельским хозяйством.

В вербовке новых элементов для колонизации I. C. A. опять-таки выдвинуло новые более целесообразные методы. Оно основало свое крупное хозяйство Седжеру в Нижней Галилее и стало колонизовать тех рабочих, которые в Седжере привыкли к труду и ознакомились с условиями местного хозяйства. Да и этим новым поселенцам I. C. A. предоставляло хозяйство первоначально лишь на условиях аренды и заключало с ними окончательный договор о передаче хозяйства на выкуп по истечении нескольких лет, когда колонист доказал свою способность справиться с хозяйством. Особенно охотно оно предоставляло хозяйство тем, кто сами вкладывали свой капитал в дело. Таким образом, I. C. A. стремилось хотя бы до некоторой степени ослабить отрицательные стороны

благотворительной колонизации. По инициативе I. C. A. возник в Нижней Галилее целый ряд новых колоний, население коих составилось из элементов до некоторой степени подготовленных к хозяйству, проникнутых сознанием своей экономической ответственности и не чуждых инициативы. Конечно I. C. A. считало необходимым поддерживать поселенцев ссудами на льготных основаниях, но требовало их аккуратного возврата. Безвозвратную помощь I. C. A., как и другие еврейские организации, продолжает оказывать колониям только на удовлетворение их общественных нужд: в деле школьного строительства, медицинской помощи, дорожном деле и т. п.

Но едва-ли не самым сложным делом была задача экономического оздоровления палестинского виноградарства с виноделием, которое казалось безнадежным. Трудность задачи состояла в том, что Палестина с ее мусульманским и еврейским населением, совсем не пьющим вина или пьющим его очень мало, не имеет значения, как рынок для сбыта дорогих вин еврейских колоний. Их приходится экспортировать на внешний рынок, а завоевать его для новой марки вин при царящей на рынке ожесточенной конкурренции—дело трудное. Однако, I. C. A. понадеялось и на этот раз, что дело будет выведено на верный путь самодеятельностью колонистов, поддержанной прирожденной евреям коммерческой сноровкой. И на этот раз эта надежда I. C. A. не обманула.

Погреба были переданы в распоряжение синдиката виноградарей, которому была предоставлена долгосрочная беспроцентная ссуда в 1 миллион франков. Стоя пред фактом отсутствия рынка для вина, синдикат вынужден был начать с сокращения производства. Впрочем, производство и само сокращалось вследствие разрушения виноградников филоксерой. Синдикат стремился к тому, чтобы разрушенные посадки заменялись не новыми филоксероустойчивыми посадками винограда, а разными древесными породами, в особенности миндалем. Таким образом, количество вырабатываемого вина понизилось с 65 до 24 тыс. гектолитров. Расходы по администрации погребов были сильно понижены. Но главное внимание было обращено на коренную реорганизацию иностранных агентур. И после нескольких лет синдикату удалось значительно расширить сбыт, причем первенствующее значение имело прочное завоевание ближайшего египетского рынка. Благодаря этим успехам, получилась возможность все лучше и лучше оплачивать виноград. В 1911 г. синдикат приступил к выплате своего долга I. C. A. В последние годы, накануне войны, спрос на палестинское вино уже превышал предложение, и колонисты приступили к расширению своих виноградников. При солидной постановке торговой агентуры синдиката можно рассчитывать на то, что еврейское виноградарство вступило наконец на путь медленного, но здорового развития.

Таковы судьбы еврейской крестьянской колонизации Палестины. Мы видели, какие тяжелые перипетии она пережила, и как медленно она развивалась. Но для сельскохозяйственного развития Палестины едва-ли меньшее значение имела другая система колонизации, которую можно назвать капиталистической.

Как мы уже указали, по естественным и экономическим условиям Палестины, наиболее выгодными оказываются многолетние культуры. Эти культуры

требуют значительных затрат по своей закладке, но уход за насаждениями не требует особенно много работы. В то-же время от момента закладки такого насаждения до полного плодоношения проходит целый ряд лет, в течение коих хозяин должен постоянно вкладывать все новые и новые средства. В то время, как в центре полевого хозяйства стоит труд, результаты коего ежегодно воплощаются почти целиком в продуктах, преимущественно удовлетворяющих непосредственным потребностям трудящейся семьи, в многолетних культурах капитал и труд овеществляются, и когда насаждения созреют для их использования, труд имеет второстепенное значение, а полученные продукты должны быть реализованы на рынке. Таким образом, широкое развитие многолетних культур зависит, главным образом, от прилива в хозяйство капитала.

К этому выводу уже давно стали приходить люди, работавшие в Палестине. Еще в 80-ых годах возникло общество „Агудас-Элеф“, которое задалось целью, за счет периодически делаемых взносов мелких капиталистов, обеспечить каждому своему члену участок насаждений. Члену такого общества пока незачем было порывать со своим старым местом жительства и своими привычными делами, ибо хозяйство велось на месте под надзором одного администратора. Когда насаждения начнут плодоносить, то член общества может, если пожелает, переехать в Палестину, чтобы жить доходом от них. Первый опыт общества „Агудас-Элеф“, вследствие ряда технических ошибок, не удался. Но здоровая мысль из-за первой неудачи не была оставлена. Составлялись кружки, из которых наибольшую известность получило общество „Менуха-Венахла“, которые продолжали это дело. На этой основе были созданы даже новые колонии, как Реховот, Хедера.

Первоначально капиталистическая колонизация основывалась на культуре винограда, и в этом была ее слабая сторона, ибо сбыт вина, как мы видели, был затруднен. Надо было найти другую культуру для ее широкого развития, и таковая была в начале 90-ых годов найдена в апельсине. Уже издавна арабские купцы Яффы закладывали в окрестностях городов апельсиновые сады—„бояры“ и организовали сбыт этого продукта за-границу, преимущественно в Англию. Основанная на орошении и требующая более длительного периода роста, чем виноград, культура апельсина нуждается в сравнительно более значительных капитальных затратах. Чтобы окупить дорогие устройства по орошению, необходима минимальная площадь насаждений, примерно, около десяти десятин. Но зато эта культура является высоко прибыльной с совершенно обеспеченным сбытом.

Евреи последовали примеру арабских купцов, но ввели для орошения керосиновые моторы, вместо примитивных устройств. В 1892 г. ICA заложило первый апельсиновый сад в Песах-Тикво. Это скоро вызвало подражание, так что к 1912 г. в этой только колонии площадь под апельсиновыми садами достигла 5230 дунам., или, примерно, 450 дес. Колония эта в настоящее время самая значительная в Палестине и по численности населения (3 тыс. душ), и по своему экономическому значению.

Культура апельсина скоро получила распространение во всех еврейских колониях прибрежной равнины, где возможно искусственное орошение. Для

освобождения от давления арабских экспортеров, еврейские садовладельцы создали свою кооперативную организацию по сбыту — „Пардес“, которая обеспечила им высшие цены и нашла новые рынки для сбыта продукта в России и других странах. Из общей массы вывозимых из Палестины апельсинов накануне войны около $^1/_4$ приходилось на долю еврейских плантаций, и по мере того как еврейские сады входят в возраст, доля их экспорта должна быстро возрасти, так что недалеко то время, когда она станет преобладающей.

Кроме культуры апельсина широкое распространение получили еще две, не требующие орошения, культуры, и потому подходящие и для горной полосы,—это миндаль и маслина. Первая культура вполне подходит и для мелких крестьянских хозяйств. Что касается культуры маслины, то до полного плодоношения ее приходится ждать лет двенадцать; зато соответствующие насаждения могут существовать столетиями. Постольку маслины наиболее подходят для использования земли крупных учреждений, что и сионистский Национальный Фонд создал на своих землях несколько обширных рощ.

Разработка приемов капиталистического хозяйства вызвала интерес среди сионистски настроенных преимущественно мелкобуржуазных или трудовых, но имеющих кое-какие сбережения, элементов еврейства и даже не только в России, но и в Америке. Если, несмотря на очень медленные успехи еврейской крестьянской колонизации, все-же в течение последнего десятилетия еврейское сельское хозяйство развивалось и уже теперь приобрело серьезное значение в экономической жизни страны, то это в значительной мере благодаря капиталистической колонизации. Она привлекала не только капиталы в страну, но и людей, которые частью оседали в колониях и иногда даже втягивались и в трудовую сельскую жизнь, частью оседали в Яффе. Появление солидных организаций, как „Агудас-Нетаим“ и, в особенности, основанной сионистами Land Development Company, задающихся целью покупки, парцелляции и администрирования новых плантационных хозяйств, должно дать новый сильный толчок этому движению.

Однако, если по отношению к еврейской крестьянской колонизации нельзя сказать, что ее трудовой характер достаточно выражен, и в связи с этим приходится констатировать довольно широкое применение арабского труда или даже сдачу пашни в аренду соседним арабам, то еврейская капиталистическая колонизация поставила еще в более острой форме вопрос о ее национальном характере. При создании садов выгодность предприятия зависит в сильнейшей мере от стоимости рабочей силы. Нетребовательный феллах, привыкший к местным условиям и ищущий лишь дополнительного заработка к основному доходу, извлекаемому им из собственного хозяйства, мог, конечно, предоставить еврейским предпринимателям дешевые рабочие руки. Положение еврейского труда казалось в этих условиях безнадежным, еврейские колонии должны были наполниться многочисленными толпами арабских рабочих, и еврейская колонизация должна была окончательно утратить свой национальный базис. Отчасти это и случилось. Про еврейскую колонизацию Палестины едва ли можно сказать, что она основывается преимущественно на еврейском труде. Но все-же это случилось только отчасти.

Еврейский труд на капиталистических плантациях всетаки появился. Этому содействовал целый ряд причин. Во-первых, в Палестину тянулись некоторые группы рабочей молодежи по мотивам национальным, не считавшиеся с экономической невыгодностью работы в сельском хозяйстве Палестины в качестве батраков. Во-вторых, в еврейские колонии стали прибывать евреи из Иемена, уровень потребностей которых значительно ниже уровня потребностей европейских евреев. Наконец, еврейских рабочих привлекает надежда после нескольких лет тяжелого труда как-нибудь устроиться самостоятельно на земле при содействии еврейских организаций.

Уже в первой крупной плантационной колонии, Реховоте, еще в начале 90-ых годов появилось около 300 еврейских рабочих. И в дальнейшем развитии еврейской капиталистической колонизации, она не только способствовала прогрессу местного сельского хозяйства, не только привлекала в Палестину мелко-буржуазные элементы, но содействовала также умножению и трудового элемента среди евреев Палестины, из которого можно было комплектовать подходящий материал для крестьянской колонизации. По данным сионистского Palästina Amt летом 1913 г. во всех еврейских колониях Палестины числилось около 1350 чел. еврейских рабочих, из них одну треть составляли иемениты. По данным, приводимым Руппином, для лета 1915 г. в 17 иудейских колониях было колонистов с семьями 2735 душ, а рабочих 2381 душа, а по данным переписи 1917 колонистов осталось въ Иудее 2240 душ, а рабочих 1707 душ. Таким образом, рабочее население колоний мало уступает по численности колонистскому. Появление этой группы населения в Палестине связано, главным образом, с развитием капиталистической колонизации. В последние годы увеличению численности еврейских рабочих содействовал Национальный Фонд, который свои плантации и экономии обрабатывал почти исключительно еврейским трудом. Однако, надо иметь ввиду, что численность арабов, работающих в колониях, раза в два, в три превышает численность работающих в колониях евреев. Имеются колонии, и в их числе важнейшая—Песах-Тикво, в которых, при широком развитии еврейского предпринимательства, еврейский труд имеет весьма скромное значение.

Основной трудностью для привлечения еврейских рабочих является чрезвычайная дешевизна арабского труда. Евреям трудно довольствоваться той платой, которую они сейчас получают, и которая обычно колеблется в пределах от 1,20 до 2 фр. в день. Между тем и эта плата выше той, которой довольствуется араб, раза в полтора. Но евреям часто находят выгодным платить больше, поскольку работа требует искусства или доверия к работающему. За работы, требующие особого понимания и ловкости, как окулировка, обрезка насаждений, платят даже 5 фр. в день, но работы такой немного. А для простейших земляных работ применение дешевого, хотя и мало квалифицированного, арабского труда является выгодным.

Рассчитывать на понижение потребностей еврейских рабочих, если не полагаться чрезмерно на идеалистические устремления, которые могут длительно владеть лишь небольшими группами, конечно, нельзя, да и не следует, ибо не

для нисхождения на низшую культурную ступень идут евреи в Палестину. Таким образом, в последние годы еврейским организациям пришлось обратить особое внимание на улучшение положения рабочих, чтобы сделать для них возможной конкурренцию с дешевым арабским трудом. В этих видах создаются в колониях рабочие кухни, воздвигаются рабочие дома. Дальнейшим шагом является снабжение рабочих в кредит небольшими усадебными участками с домами при условии участия и рабочих в этом деле своими сбережениями. Такие рабочие поселки созданы при некоторых крупных колониях, как Песах-Тикво, Ришон-Лецион и др.

Конечно, самым радикальным средством для того, чтобы привлечь значительные кадры еврейских рабочих, было бы такое положение, при котором они в массе могли бы рассчитывать на то, что они будут устроены на земле. В весьма ограниченных размерах, как мы указали, ICA и другие организации практикуют устройство своих наиболее заслуженных рабочих. Однако, в этом деле имеются большие трудности. Прежде всего хороший рабочий может оказаться плохим хозяином. Далее молодые рабочие, даже и женатые, не могут вследствие недостаточности рабочих сил справиться с крестьянским хозяйством. Наконец, для оборудования хозяйства требуется затрата, примерно, в 20.000 фр., и является, конечно, большим риском предоставление такого капитала человеку, ничего не вложившему с своей стороны в это предприятие. Это есть тот путь благотворительной колонизации, который требует больших жертв. А между тем образование сбережений у палестинских рабочих—это сейчас задача крайне трудная.

В последнее время Национальный Фонд передал некоторые из своих владений с полным оборудованием в обработку кооперативам рабочих с участием их в прибылях. В одной колонии в Галилее основана даже, согласно известному проекту еврейско-немецкого экономиста Оппенгеймера, т. н. Siedlungsgenossenschaft. Конечно, более чем сомнительно, чтобы эти наскоро сколоченные кооперативы долго продержались, но, как переходный этап к основанию индивидуальных хозяйств, такие кооперативные хозяйства могут быть небесполезны.

В конце концов еврейский рабочий вопрос в Палестине может быть решен лишь при изменении условий хозяйства в двух направлениях: 1) условия труда должны улучшиться настолько, чтобы хотя бы холостой рабочий мог делать сбережения, и 2) устройство собственного хозяйства должно стать дешевле. И то, и другое связано с общим экономическим прогрессом страны и с планомерной работой еврейских организаций для улучшения современного положения рабочих, как таковых, и для обеспечения их перехода в ряды колонистов. Только в этих условиях может создаться естественный приток еврейских рабочих в Палестину, соответствующий быстрому росту капиталистической колонизации.

Если мы теперь обратимся к общим результатам еврейской колонизации в Палестине, то с количественной стороны они покажутся весьма скромными. В 33 колониях и 7 экономиях имеется 12 тыс. душ еврейского населения, из коих сельским хозяйством живет около 8 тыс. [1]). Им принадлежит 44 тыс. гек-

[1]) Вероятно, численность сельскохозяйственного населения даже ниже, ибо, согласно переписи 1917 г., в иудейских колониях оно составило лишь немногим больше половины (51,0%) общего населения этих колоний.

таров земли, из которых культивировано около половины. Если мы сравним это с аналогичным предприятием в Аргентине, то результаты последнего предприятия представятся с количественной стороны гораздо более благоприятными. Систематическая колонизация Аргентины началась в начале 90-ых годов, т.-е. на десять лет позже, чем Палестины, и к 1 января 1914 г. там жило уже в колониях $26^1/_2$ тыс. населения, и им было засеяно почти 200 тыс. гектаров земли. В аргентинских колониях имелось $126^1/_2$ тыс. голов скота, между тем как в палестинских едва наберется 10 тыс. голов. Аргентинские колонисты уже давно аккуратно выплачивают ICA свои долги по устройству, палестинские-же колонисты далеки от этого. Конечно, и аргентинская колонизация не оправдала тех экспансивных надежд, которые на нее когда-то возлагались,—из обширного потока еврейской эмиграции она поглощала лишь небольшую струйку. Но все же в ней имеется гораздо больше соответствия между сделанными затратами и достигнутыми результатами, чем в палестинской. Это является результатом того, что Аргентина представляет из себя громадную страну с большим запасом весьма плодородных дешевых земель. Эти земли с выгодой используются под полеводство и скотоводство, в которых затраты возвращаются несравненно быстрее, чем в древоводстве. Аргентина имеет культурный режим, упорядоченный аграрный строй, обширную сеть железных дорог и прекрасно оборудованные гавани. Повсюду там чувствуется влияние культурного английского капитала.

Отсутствие соответствия между количественными размерами еврейской колонизации в Палестине и сделанными затратами об'ясняется всей совокупностью неблагоприятных условий, в которых приходилось там работать особенно в первые десятилетия. Они отчасти уже очерчены в первой главе, в их влиянии на положение арабов, но они тяжело чувствуются и еврейскими поселенцами. Они также терпят от тяжелого налогового бремени. Хорошо еще, если I. C. A. или какое-либо другое учреждение возьмет на откуп пресловутый „ошер“, а не то и еврейским колонистам приходится возиться с частными откупщиками. Еврейские колонисты, все хозяйство коих рассчитано на обмен, страдают от бездорожья еще больше, чем живущие почти натуральным хозяйством арабы. Доставка в Яффу вина и апельсинов, даже из ближних колоний, стоит дороже, чем отправка этих продуктов кораблем хотя-бы до Ливерпуля, причем при нагрузке их на лодки имеется всегда опасность порчи товара, особенно апельсинов.

Отсутствие достаточных гарантий личной и имущественной безопасности тяжело отзывается на колониях. Колонистам приходится селиться плотными поселками, что удаляет усадьбы от полей, затрудняет удобрение и обработку последних, ведет к чересполосице и принудительному севообороту—полная противоположность Аргентине, где каждый колонист проживает на своем квадратном, огороженном проволокой, участке.

Некультурность страны и ее правительства приводит к тому, что, платя большие налоги, колонисты вынуждены тратить большие суммы на охрану колоний, которую сейчас взяла на себя организация еврейских „шомрим“, на медицинскую помощь, на школьное дело. Для мелких колоний эти общественные расходы совершенно непосильны. Но даже и крупные колонии не обходятся без пособий

на свои общественные нужды со стороны различных учреждений. В связи с этим в последнее время созрело убеждение, что еврейская колония в Палестине должна обнимать не менее 100 дворов. Но ведь чем крупнее поселение, тем разбросаннее ее земли, и тем труднее их культивировать.

Но для новых поселенцев, европейцев, имелись еще трудности и другого порядка. Совершение купчей в пользу иностранца требовало утверждения центрального правительства, для возведения построек опять-таки надо было разрешение из Константинополя. Можно себе представить, сколько это стоило хлопот и расходов еврейским поселенцам, особенно в первый период, когда не было еще ни опыта, ни связей в стране. Одна из немецких колоний вынуждена была для преодоления встретившихся такого рода затруднений обратиться к содействию самого императора Вильгельма, посетившего тогда Палестину. Но ведь у евреев таких могущественных предстателей не было. Но даже после утверждения купчей, вследствие отсутствия кадастра, владение остается спорным. Споры из-за границ—нормальное явление в Турции, и, в конце концов, кто не сумеет постоять за свое право проявлением физической силы, не осуществляет его.

Насколько такое положение представляется культурному европейцу невыносимым, мы можем судить хотя бы по следующему свидетельству. Я сошлюсь на двух французских исследователей: Verney et Dambmann, издавших капитальный труд: „Les puissances étrangères dans le Levant, en Syrie et en Palestine“. Задача авторов состоит в том, что-бы усилить интерес французов к работе на Востоке, чтобы обратить их внимание на грозящую Франции конкурренцию других держав. Но по отношению к приобретению земли эти авторы дают все-же отрицательное заключение: „Для иностранцев“, говорят они, „благоразумнее всего не приобретать никакой собственности в Азиатской Турции“.

И действительно, несмотря на то, что Турция пространственно примыкает к самым культурным и густо населенным странам Западной Европы, что она включает в свой состав области, которые некогда являлись очагами высокой земледельческой культуры, все-же Турция до сих пор не являлась поприщем для европейской колонизации. Не помогает и то, что европейцы имеют известную опору во влиянии на Турцию своих правительств. Кроме еврейских колоний в Палестине имеется только несколько колоний немцев из секты тамплиеров, о которых мы упоминали. И эта колонизация, подобно еврейской, исходила не из экономических интересов, а из известных идеальных, в данном случае религиозных, побуждений. Немецкие колонисты, исконные земледельцы из южной Германии, проявили, конечно, и в Палестине свойственную им „Tüchtigkeit“; они устраивались без большой поддержки со стороны, и еще до евреев они явились пионерами европейских методов земледельческой культуры в стране. И все-же эта немецкая колонизация никакого развития не получила, и в немецких колониях насчитывается не более шестисот душ населения. Большая часть переселившихся немцев, подобно евреям, предпочли осесть в городах.

Размеры еврейской колонизации, как они ни скромны, несравненно более значительны, чем немецкой. Мало того, можно утверждать, что это unicum для востока—в таких размерах европейская колонизация под властью полумесяца

нигде не велась. Такого рода опыт в столь трудных условиях требует расходов, как немцы говорят „Lehrgeld“.

Все-же громадные затраты, сделанные различными еврейскими учреждениями в Палестине, нашли себе и известное материальное воплощение прежде всего в тех древесных насаждениях, которые там созданы. Вот цифры, характеризующие размеры и ценность этих насаждений:

Посадки.	Дунамы [1]).	Ценность дунама в фр.	Общая ценность в фр.
Апельсины . . .	9.200	1.000—1.200	10.780.000
Виноград	14.000	200	2.800.000
Миндаль	37.000	150	5.550.000
Оливы	9.200	150	1.280.000
Эквалипт. . . .	2.000	100	200.000
	71.400		20.710.000

Если присоединить сюда ценность построек и инвентаря, а также и ценность земли, которая сильно возросла, именно, под влиянием успехов еврейской колонизации, то общую ценность еврейских колоний определяют в 60-70 милл. фр. Ежегодный валовой доход от насаждений и других отраслей хозяйства определяют без малого в 5 милл. фр. Таким образом, известный материальный эквивалент сделанным затратам имеется.

Но дело, конечно, не в нем. Сделанное в Палестине следует оценивать, главным образом, с точки зрения того значения, которое достигнутые результаты имеют для будущей колонизации страны. А с этой точки зрения эту работу, произведенную в крайне трудных условиях, следует признать плодотворной и значительно облегчающей всякую дальнейшую работу.

Когда евреи принялись за колонизацию Палестины, не только они не знали сельского хозяйства страны, но можно сказать, приемы рационального европейского хозяйства были вообще неизвестны. Если в выработке техники полеводства и молочного хозяйства в Палестине евреи многому учились у немцев, которые свою первую колонию под Яффой создали раньше, то в выработке техники многолетних культур еврейские колонии явились пионерами. А ведь именно многолетние культуры имеют для сельскохозяйственного использования Палестины решающее значение. В настоящее время уже создана первая сельскохозяйственная опытная станция в Палестине под Хайфой, первая, быть может, во всей Передней Азии, которая заложит научные основы для новой техники.

Не меньшее значение имеет другая сторона еврейской работы—по организации сбыта продуктов. Даже такая неимоверно трудная задача, как завоевание рынка для новой марки вина, выполнена, и прочный экономический базис под палестинское виноградарство подведен, а ведь без такого базиса никакая техника не может обеспечить успеха подобной культуры.

---

[1]) 1 дунам = $^1/_{12}$ десятины.

Известное значение имеет и постепенное выделение трудовых земледельческих элементов из среды еврейского населения. Правда, успехи здесь медленны, еврейских колонистов Палестины нельзя в этом отношении считать образцовыми, они в этом отношении стоят ниже и еврейских колонистов Аргентины, и Новороссии. Однако, сравнительно с тем, что наблюдалось при господстве системы Ротшильда, улучшение является существенным.

Нельзя преуменьшать значения факта появления кадров еврейских рабочих, которые, правда, составляют меньшинство в общей массе рабочих, но все-же довольно многочисленное. Они уже оздоровили еврейскую крестьянскую колонизацию, и их наличность является гарантией дальнейшего прогресса в этом направлении. Во всяком случае работами, требующими более высокой технической квалификации, еврейский труд уже овладел. Даже столь требовательные немецкие колонисты для производства более ответственных работ в садоводстве, как прививка, обрезка, пользуются исключительно еврейским трудом.

Наконец, большое значение имеет и тот организационный опыт, который уже имеется. Хорошо разработаны приемы капиталистической колонизации, сделаны ценные опыты по урегулированию положения рабочих, и приемы крестьянской колонизации ныне уже не те, которые еще недавно практиковали Ротшильд или Одесское Общество.

В последнее время был создан новый фактор, который содействовал успехам еврейского дела в Палестине. Еврейской Колониальный Банк, как известно, основал в 1903 г. Anglo-Palestine Company—банковую организацию, работающую в Палестине. Она развивала еврейскую промышленность и торговлю в городах. Благодаря ее содействию и в городах, и в колониях окрепли кооперативные учреждения мелкого кредита.

Даже и при младотурецком режиме, не чуждом прогресса, указанные достижения обеспечивали постепенно ускоряющийся темп развития еврейского дела в Палестине.

Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос—какие перспективы открывает евреям в Палестине английская декларация в связи с грядущим общим изменением всех условий экономической и политической жизни не только Палестины, но и сопредельных с ней стран.

III. Перспективы еврейского дела в Палестине и его значение.

Для дальнейших успехов еврейского дела в Палестине имеют значение три момента: введение в стране упорядоченного европейского управления, предоставление еврейским организациям различного рода концессий и предстоящее экономическое возрождение Передней Азии под властью европейских государств.

Наибольшее значение вновь создавшиеся условия имеют для использования сельскохозяйственных рессурсов страны. В этом отношении в Палестине раскрываются широкие возможности. Преимущество Палестины состоит в том, что, находясь в климатической зоне, существенно отличной от европейской, она в то-же время, благодаря морскому пути, может быть поставлена в самый тесный контакт с самыми богатыми странами Европы. Благосостояние Палестины может быть построено на производстве таких продуктов, которые на большей части территории Европы или совсем не могут быть произведены, или могут быть произведены с чрезмерными затратами. Возьмем для примера быстро растущий экспорт апельсинов. В 1913 г. из Яффы было вывезено апельсинов на сумму 300.000 фунт. стерл., что составляет 40% общей ценности вывоза этого порта. Производство апельсинов растет, и в то-же время, в сущности, нельзя усмотреть никаких границ для дальнейшего развития экспорта апельсинов, ибо массы населения многих стран Европы только еще привыкают к пользованию этим прекрасным плодом. Так, ввоз апельсинов в Россию за восьмилетие с 1905—1913 г. поднялся с 1361,2 тыс. пуд. до 4125,9 тыс. пуд., а между тем до громадных масс населения России апельсины еще не доходят. Геджасская дорога связала Палестину с Малой Азией и Месопотамией, которые также нуждаются в ввозе апельсинов. Что-же касается качества палестинского продукта, то оно настолько высоко, что ему не приходится бояться конкурренции.

Точно также нельзя усмотреть границ к расширению культуры миндаля—продукта, отличающегося достоинством легкой транспортабельности. За период с 1910 по 1913 г. вывоз миндаля из Яффы и по количеству, и по ценности удесятерился. Но и в этом последнем году ценность вывоза достигла лишь 9.000 ф.

О каких-либо рыночных трудностях для сбыта этого столь транспортабельного продукта не может быть и речи.

Культура маслины и теперь уже не удовлетворяет потребностям местной мыловаренной промышленности, вынужденной прибегать к пользованию ввозным сырьем. При улучшении и расширении местной мыловаренной промышленности, и теперь уже завоевавшей себе внешние рынки, и при создании на месте фабрик для выработки лучших сортов прованского масла, опять-таки нельзя усмотреть пределов для расширения культуры маслины.

Как мы уже указали, в настоящее время проложены пути для расширения сбыта вина и, следовательно, для расширения культуры винограда. Имеются еще многие другие многолетние культуры, как фиговое дерево, банан, финиковая пальма, фисташки, которые подходят к климату Палестины, но техническая и коммерческая постановка этих культур еще требует разработки.

При полной возможности в Палестине культуры кормовых растений, открываются перспективы и для палестинского молочного хозяйства, совершенно не использовавшего еще даже и местного рынка, не говоря уже про египетский. Культура табака, повидимому, также может рассчитывать на успех в Палестине.

Большое будущее суждено огородничеству на прибрежной полосе Палестины. Все те овощи, что Европа производит под стеклом, в оранжереях, все они могут разводиться в Палестине непосредственно под открытым небом, и, следовательно, значительно дешевле, чем в Европе. Задача состоит лишь в том, чтобы доставить все это в свежем виде в Европу. Избытки могли-бы быть на месте переработаны в консервы.

Для использования всех этих возможностей необходим прилив капитала, который, конечно, потечет в страну, как только там создастся соответствующий правопорядок. Капитал необходим и для непосредственного развития сельского хозяйства, но особенное значение прилив капитала может иметь для широкой организации мелиоративных работ. Вся прибрежная долина, а также и Иорданская долина могут быть орошены, и их хозяйство может тогда подняться на очень высокий уровень интенсивности. При условии орошения производительность прибрежной долины по культуре апельсина, абрикосов, по огородничеству и молочному хозяйству может быть доведена до очень высокого уровня, а Иорданская долина по развитию культуры хлопка и сахарного тростника может уподобиться в миниатюре Нильской долине. Близость подпочвенных вод в прибрежной полосе и наличность ручьев и рек как там, так и в Иорданской долине, делают широкую постановку оросительного дела вполне возможной.

Далее для развития сельского хозяйства необходимо, чтобы капитал занялся усовершенствованием транспортной организации. Страна должна быть прорезана сетью железных, электрических и грунтовых дорог, порты должны быть оборудованы складочными помещениями, холодильниками и пристанями, корабли должны быть оборудованы для перевозки скоропортящихся продуктов.

По сравнению с перспективами сельского хозяйства, перспективы промышленности в Палестине более скромны, и какого-либо немедленного радикального переворота здесь ждать нельзя. Палестина во всяком случае останется под влия-

нием европейских держав, которые не будут склонны к насаждению здесь промышленности при помощи покровительственных пошлин и других поощрительных приемов. Да и соответствующая задача несколько затруднена отсутствием на месте угля и железа, при отсутствии у населения профессиональных навыков и всех прочих предпосылок промышленного развития, создающихся лишь долговременной работой поколений. В ближайшем будущем можно рассчитывать только на быстрое развитие тех отраслей промышленности, которые находятся в особенно благоприятных условиях, вследствие наличности на месте сырья: на дальнейшее развитие мыловаренной промышленности, на создание консервной промышленности, маслобойной, макаронной, табачной, если мы разовьем на месте табаководство, а, может быть, и химической, путемъ использования минеральных богатств Мертвого моря. Для создания в Палестине такой основной отрасли, как металлургия, перспективы мало благоприятны, эти перспективы, пожалуй, несколько лучше для мануфактурной промышленности, ибо соседняя степь и теперь доставляет известное количество шерсти Палестине, а в будущем производство шерсти может быть расширено.

Нельзя также предвидеть скорого изменения торговых конъюнктур для Палестины. Времена, когда сирийские порты служили почти единственными посредниками в торговле Средиземья, с одной стороны, и Передней Азии, с другой стороны, прошли с того момента, когда Европа нашла морской путь на Восток. То обстоятельство, что этот путь с прорытием Суэцкого канала пододвинулся к Палестине, имеет, может быть, значение для ее культурного пробуждения, но не имеет существенного экономического значения. Если Египет пережил на наших глазах эпоху экономического расцвета, то таковой имеет лишь косвенную связь с Суэцом. Суэцкий канал послужил побудительной причиной к захвату страны Англией, но экономический прогресс страны связан с развитием сельского хозяйства. Роли посредника в международной торговле Египет не играет, хотя в составе его населения и нашлись-бы элементы, которые для такой роли вполне призваны. Тем меньшую роль Суэц может имет для Палестины.

Что проходящая по северной оконечности Сирии Багдадская дорога не может иметь существенного значения для оживления торговли Палестины,—это не требует доказательств.

Но, если мы в областях промышленности и торговли не можем ожидать в ближайшее время такого крупного эфекта, как в области сельского хозяйства, если в этих областях мы натолкнемся на гораздо большие и внутренние, и внешние затруднения, то все-же грядущее пробуждение к новой жизни страны с такими громадными экономическими возможностями, как Месопотамия, а может быть, и Аравия, расширяет горизонты и для Палестины. Можно заранее предвидеть, что Месопотамия под английским владычеством переживет экономический, под'ем, аналогичный тому, который пережил Египет, причем и направление экономического развития этой страны будет то же. Но масштаб развития здесь будет более грандиозным, ибо эта страна, ныне пустынная, заключает в себе громадное количество земель, могущих быть орошенными, и может кормить громадное население, еще большее, чем Египет. При хлопковом голоде уже давно испытываемом Европой,

англичане сделают Месопотамию, наряду с Египтом, важнейшей страной по производству хлопка. Колонизационный материал для этой страны дадут индусы и египетские феллахи: и те и другие издавна привыкли к земледелию с орошением. Таким образом, пройдет несколько десятилетий, и Палестина получит в Месопотамии, экономически процветающий, Hinterland. Правда, Месопотамия имеет непосредственный контакт с морским путем, но все-же не исключено, что палестинские порты, и в частности Хайфа, при надлежащем оборудовании гаваней и при проведении соответственной сети железных дорог, сумеет отвлечь к себе торговлю хотя-бы средней части Месопотамии, лежащей подальше от Персидского залива. Во всяком случае отныне, когда можно предвидеть, что Палестина не будет уже последним форпостом европейской культуры на востоке, что она будет стоять не среди экономической пустыни, а среди экономически развивающихся стран, для еврейского капитала и для еврейской предприимчивости ставятся задачи, которые хотя и медленно, но могут быть в будущем разрешены. Будем надеяться, что конкурренция западно-европейской промышленности не помешает еврейским предпринимателям создать ряд отраслей промышленности, которые будут обслуживать не только маленькую Палестину, но и обширные страны пробуждающейся к новой жизни Передней Азии, что они сумеют сделать Палестину посредницей в товарообмене между Западом и Востоком.

Но это все-же перспективы несколько еще отдаленного будущего, и здесь еще имеется много неизвестных.

Гораздо более быстрого и верного возрождения палестинских городов можно ожидать на совершенно другой основе. Как только в Палестине установится нормальный, европейский правопорядок, начнется переселение туда еврейских рантье, численность коих в Европе весьма значительна. И религиозные, и национальные мотивы будут неудержимо тянуть их в Палестину. Часть из них наверное вложит свои капиталы в экономическую жизнь пробуждающейся Палестины, а большая часть будет заниматься потреблением богатств, заработанных вне Палестины. Эти рантье создадут богатый рынок для местного сельского хозяйства. Как требовательные потребители, они пред'явят спрос и на дорогие товары, которые будут доставляться первоначально из Европы. Поэтому, существенно расширится поприще для местной импортной и розничной торговли, в которой роль евреев, по всей вероятности, станет преобладающей. Прилив богатого населения будет иметь большое значение для развития местного ремесла, в частности еврейского. Постепенно на основе местного богатого спроса сумеют создаться и некоторые отрасли местной промышленности.

Значительные перспективы открываются также и для пресловутой Fremdenindustrie. Если Палестина и не обладает такими грандиозными историческими развалинами, как Египет, то зато страна эта обладает громадной внутренней притягательной силой для христианского мира и для еврейства. Она может привлечь к себе во всяком случае не меньший приток туристов христиан, а также и евреев, чем Египет, и только крайнее культурное запустение страны этому препятствовало. Когда страна будет культурно оборудована, она сумеет извлечь большие доходы и из этого источника и притом в ближайшее время, ибо она сумеет привлечь

к себе тот значительный поток туристов, который уже сейчас направляется в Египет, минуя пока некультурную Палестину.

Резюмируя сказанное, придется признать, что для приложения еврейского капитала Палестина представляет благоприятное поприще, поскольку этот капитал направится прежде всего в сельское хозяйство, и параллельно с этим на оборудование страны, преимущественно в интересах переработки и транспортирования ее сельскохозяйственных продуктов. Немедленно можно приступить к оборудованию страны для привлечения в страну рантье и туристов. Что касается промышленных и торговых перспектив, то и они имеются, но в более отдаленном будущем, и на этом поприще предстоит преодоление больших трудностей.

Однако, центральный вопрос состоит в том, гарантирует ли прилив еврейского капитала в палестинское сельское хозяйство и в промышленность также и прилив еврейского труда. Вопрос этот представляется довольно сложным, если принять во внимание, что лучшая западная половина Палестины имеет арабское население, в Иудее даже довольно густое, и что это население, как мы видели, предлагает свой труд дешевле, чем могут продавать свои рабочие руки еврейские рабочие.

Мы уже указали, какое положительное значение имели приемы капиталистической колонизации для еврейского дела в Палестине. Многолетние древесные культуры, особенно наиболее дорогие из них, орошаемые, прекрасно подходят для капиталистических предприятий. Несмотря на то, что, в общем, эти предприятия пользуются преимущественно арабским трудом, все-же, благодаря их появлению, в стране создался весьма ценный контингент еврейских рабочих. В новых условиях, вероятно, и некоторые однолетние культуры, как хлопок и сахарный тростник, послужат базисом для возникновения крупных хозяйств. Расширение такого рода предприятий несомненно косвенно послужит и к оживлению ремесла и промышленности в городах. Таким образом, тормазить развитие капиталистического сельского хозяйства по соображениям идеологического порядка не приходится. С широким развитием капиталистического сельского хозяйства перспективы для еврейского труда должны существенно улучшиться. При отсутствии в Палестине густого сельского населения повышение спроса на труд должно повысить его вознаграждение, и это повышенное вознаграждение труда найдет свое полное оправдание в улучшившихся условиях для приложения капитала. Следовательно, повышение заработной платы не пойдет в ущерб и рентабельности капитала. Вместе с тем положение еврейского рабочего класса в сельском хозяйстве должно улучшиться против настоящего его положения.

Но всетаки надо с полной определенностью сказать, что привлечение евреев к сельскохозяйственному труду в качестве рабочих возможно лишь в ограниченной степени. Главная масса неквалифицированных рабочих будет все-же выходить из среды арабов, и постольку такая колонизация не будет иметь твердого национального базиса. Правда, для того, чтобы улучшить условия конкурренции еврейских рабочих, в настоящее время еврейские организации пытаются снабдить их небольшими усадебными участками. Конечно, такие участки создают некоторую возможность для рабочих обзавестись семьей. Но зато рабочий при этом в известной мере теряет то свойство, которое помогает

ему удержать заработную плату на определенной высоте,—он теряет свою подвижность. Но даже и надежда получить после нескольких лет труда такой участок, не обеспечивающий еще самостоятельного существования, едва-ли будет служить достаточным основанием для прилива в Палестину сколько-нибудь значительных кадров еврейского пролетариата. В настоящее время замечается, что еврейские рабочие комплектуются преимущественно из элементов, привлекаемых в страну мотивами идеологического порядка. Но численность такого рода идеалистов среди еврейского пролетариата не может быть очень велика; массы же еврейского пролетариата перспектива батрацкой жизни даже на собственной усадьбе не привлечет [1]). Да еслибы массовое привлечение еврейских рабочих и было возможно, то едва ли было бы желательно создание общества со столь резкими социальными гранями.

Еврейский пролетариат мог-бы в более значительном количестве прилить в ряды палестинских рабочих лишь в том случае, еслибы перед ним открывались сколько-нибудь надежные перспективы самостоятельного устройства на земле. Однако, в этой области мы наталкиваемся на существенные затруднения, связанные с дороговизной самостоятельного устройства на земле.

Чтобы несколько ближе ориентироваться в вопросе о стоимости оборудования самостоятельного хозяйства, я позволю себе воспользоваться рассчетами агронома Я. Г. Эттингера, хорошо изучившего южное хозяйство, вообще, и палестинское, в частности [2]). Надел еврейского колониста должен быть различен, в зависимости от типа хозяйства. Он должен быть тем меньше, чем хозяйство интенсивнее. Я. Г. Эттингер исчисляет расходы по устройству хозяйств различных типов в следующие суммы [3]):

---

[1]) Двадцать лет тому назад в двух статьях, напечатанных мною на столбцах „Книжек Восхода“ за подписью Бен—вид: „Еврейский пролетариат и сельское хозяйство“ и „О методах еврейской колонизации“ (последняя вышла отдельной брошюрой), я развивал другую точку зрения и высказался за колонизацию евреев на чисто капиталистической основе. Более близкое знакомство с жизнью еврейской массы, вообще, и еврейского земледельческого населения России, в частности, убедило меня в том, что перспектива постоянной батрацкой жизни не привлечет евреев в Палестину. Правда, что те еврейские массы, которые направляются в Соединенные Штаты, имеют незначительные перспективы стать самостоятельными. Но, вопреки тенденциозным утверждениям некоторых экономистов, считающих своим призванием рисовать в мрачных красках картины „голусной“ жизни, в общем, условия труда в Соединенных Штатах не могут итти в сравнение с условиями труда ни в России, ни в Палестине, а для потомства еврейских эмигрантов в Соединенных Штатах открываются исключительно благоприятные перспективы. При этом едущим в Соединенные Штаты еврейским горожанам не приходится ломать своих привычек столь радикально, как это приходится делать при переходе к сельскохозяйственному труду.

[2]) Яков Эттингер. Методы еврейской колонизации в Палестине. Петроград, 1918 г.

[3]) При всех этих рассчетах имеются ввиду, конечно, довоенные условия.

Хозяйственные типы.	Размер участка в дун.	Стоимость устройства в фр.	В той сумме стоимость земли.
I. Преобладание хлебопашества .	200—250	27.200	12.500
II. Преобладание кормовых культур и молочного хозяйства. .	100	22.770	7.500
III. Преобладание древесных культур без орошения	75	28.650	3.750
IV. Преобладание древесных культур с орошением	40	41.300	6.000
V. Огородничество с орошением. .	20	13.600	3.000

В последнее время I. C. A. стремилось довести землевладение поселенцев до высшей нормы, согласно I-ому типу, для того, чтобы поселенец был в известной мере обеспечен в удовлетворении своих главных потребностей в натуре. Кроме того распространены хозяйства типа III и IV. Хозяйства более дешевых типов II и V—дело будущего, да кроме того хозяйства с преобладанием огородничества возможны только в ограниченном районе.

При новых условиях, когда еврейские организации сумеют получить обширные земельные концессии, расход на землю, вероятно, значительно сократится. Однако, только в хозяйствах первого типа стоимость земли составляет значительную часть (45%) общего расхода, в других типах процент земельного капитала гораздо меньше. С точки-же зрения экономии колонизационного фонда надлежит стремиться к насаждению более интенсивных типов хозяйств, в которых главная ценность составляется не из ценности земли, а из ценности ее оборудования. Что касается расходов по оборудованию хозяйств, то массовая колонизация едва-ли может эти расходы понизить.

Таким образом, если до сих пор устройство одной семьи обходилось в сумму свыше 20 тыс. франков, то и в будущем на очень большое понижение этой суммы нельзя рассчитывать. Можно и должно рассчитывать на лучшее использование колонизационного фонда в Палестине. Что касается характера рассчетов Я. Г. Эттингера, то про них нельзя сказать, что они грешат в сторону преувеличения. Наоборот, расход на постройки исчислен Я. Г. Эттингером в слишком скромных цифрах; точно также несообразно низким предполагается расход на содержание семьи до урожая, исчисляемый всего лишь в 900 фр. в год, между тем как, по бюджетным исследованиям самого Эттингера, в Палестине расход этот следует, по крайней мере, удвоить.

Для привыкших к русским условиям эти расходы на устройство покажутся чрезвычайно высокими. Но при их оценке надо принять во внимание, что русский крестьянин, выросший в условиях полунатурального хозяйства и отличающийся чрезвычайно малой требовательностью и исключительной выносливостью, в данном случае не может быть сравниваем с нестойким еврейским колонистом, уровень потребностей коего соответствует таковому западно-европейского земледельца. Наконец, и типы палестинского хозяйства имеют мало общего с типами русских крестьянских хозяйств.

Мы указали выше, что еврейские организации окончательно отказались от устройства за свой счет колонистов, случайно осевших в Палестине. Устройство на земле лиц, проживших уже несколько лет в стране в качестве сельскохозяйственных рабочих, является уже шагом вперед. Однако, и этот прием имеет свои слабые стороны.

Всякая колонизация, в которую сами поселенцы не могут внести своего капитала, является делом до некоторой степени рискованным. Неимущий поселенец, сразу получающий в свои руки большой чужой капитал, бывает часто ненадежным его распорядителем. Рабочий далеко не всегда способен освоиться психологически в положении хозяина. Да, наконец, и состав семьи молодого рабочаго, как уже было указано, обыкновенно недостаточен для того, чтобы создать крепкое хозяйство.

В Палестине поэтому назрел тот взгляд, что не всех неимущих рабочих можно сразу сделать самостоятельными, что в лучшем случае их можно снабдить рабочими участками, которые обходятся сравнительно недорого, примерно, в 5000 фр. участок, да и то при условии, что известную часть этой суммы рабочий покроет из своих, вообще очень скромных, сбережений.

Таким образом, на широком развитии колонизации одних только неимущих рабочих не следует строить дела. Сами же рабочие не имеют тех условий, чтобы накопить сбережения, которые могут им существенно помочь для самостоятельного устройства. Колонизационный процесс может принять более широкие размеры лишь в том случае, если в нем примут участие и такие элементы еврейского населения, которые располагают некоторыми средствами. Личная заинтересованность и личная ответственность здесь безусловно необходимы.

В превращении избыточных мелкобуржуазных элементов еврейства в трудовых земледельцев и заключается в известном смысле идеология всякой еврейской колонизации. В этой проблеме еврейской колонизации заключены свои трудности. В сколько-нибудь широком масштабе задача эта до сих пор не решена ни в Палестине, ни в Северной Америке, ни даже в Аргентине. Для Палестины эта задача представлялась до последнего времени неразрешимой, ибо устройство самостоятельного хозяйства, ввиду преобладающего значения многолетних культур, обходится здесь не только дорого, но продолжается очень долго. Наиболее доходные при настоящих условиях насаждения апельсинов вступают в период полного плодоношения по истечении 7—9 лет после посадки. Миндаль вступает в период полного плодоношения по истечении 7 лет, маслина—12 лет, абрикос—9 лет, и только виноград вступает по истечении 6 лет и даже раньше в полное плодоношение. Одной из задач ближайшего периода должна быть выработка таких приемов колонизации, чтобы хозяйство основывалось преимущественно на каких-либо интенсивных однолетних культурах, вроде табака. Но решение этой задачи еще впереди, и во всяком случае при колонизации наиболее обширных горных районов древесные культуры должны занимать первое место. Но поскольку в дело приходится вложить большой капитал и ждать в течение многих лет, когда он начнет давать доход, в колонизации могут принимать участие только состоятельные элементы, которые не могут привыкнуть к трудовой жизни, и которым незачем к ней привыкать.

Хотя мелкобуржуазные элементы сейчас физически и не трудятся, но во всяком случае они далеко не находятся в столь выгодных экономических условиях, чтобы возможность зажить самостоятельной трудовой жизнью в национальной обстановке не могла бы быть для них настолько привлекательной, чтобы оправдать разрыв со старыми привычками. И если для первого поколения этот разрыв не будет окончательным, то следующее поколение может легко превратиться в заправских земледельцев, каковыми стали дети и внуки еврейских торговцев, шинкарей и ремесленников в Новороссийских еврейских колониях.

Если еврейскую мелкую буржуазию, в качестве трудового элемента, не приходится, конечно, высоко оценивать, то зато следует высоко ценить ее организационные способности. Современное культурное хозяйство, а именно о создании такового идет речь, требует, вопреки общераспространенному среди широких еврейских кругов мнению, не только трудоспособности, оно требует еще и распорядительности для согласования его сложных частей, оно требует коммерческой сноровки для регулирования рыночных отношений хозяйства. В этом заключается сильная сторона еврея-хозяина, и ее не следует низко оценивать.

Для решения этой задачи необходимо прежде всего, чтобы колонизация велась при поддержке кредита, но не благотворительного, а коммерческого, ипотечного. Организация такого кредита до сих пор была невозможна и вследствие отсутствия для этого правовых условий, и вледствие отсутствия для этого в Палестине достаточно мощных банковых институтов. Теперь, когда создадутся благоприятные условия для ипотечного кредита, и когда будут созданы достаточно мощные финансовые институты, то обладающей известными средствами мелкой еврейской буржуазии может быть значительно облегчено устройство на земле. Да и не только для мелкой буржуазии, но и для довольно многочисленного класса квалифицированных еврейских рабочих, которые накопили кое-какие сбережения.

К решению этой трудной проблемы нас подводит прием колонизации, применяющийся уже в Палестине под названием „ахуз“. В „ахузах“ можно усмотреть использование столь плодотворного в сельском хозяйстве кооперативного принципа для колонизации. Я говорю здесь не о создании коллективных хозяйств по типу Оппенгеймера или другого типа, чем теперь в Палестине увлекаются, я говорю о применении кооперативного принципа для создания индивидуальных хозяйств, хотя-бы остающихся между собой в известной кооперативной связи. Насколько создание коллективных хозяйств в Палестине приходится признать мало обоснованным социальным экспериментаторством, настолько идею кооперативной колонизации надобно признать здравой и, в известной мере, испытанной. Сущность идеи „ахузы“ состоит в том, что будущие поселенцы сообща налаживают свои хозяйства на месте через своих уполномоченных, или через специальные учреждения, уже теперь функционирующие в Палестине, как „Land Development Company“ или „Agudas Netaim“. Этим достигается, с одной стороны, большая экономия в организационных расходах и, с другой стороны, устраняется расход на содержание семьи в годы устройства, ибо в течение ряда лет поселенцы остаются на старом месте и продолжают заниматься своим прежним делом. Между тем расход на содержание семьи до того момента,

как хозяйство станет себя оплачивать, составляет при немедленном переезде весьма значительную часть затрат по первоначальному устройству. После того, как первоначальная организация хозяйств закончена, каждый участник может переселиться на место и получить свое хозяйство выделенным из общаго.

До сих пор этот принцип был использован в интересах чисто капиталистической колонизации и использован успешно. Мы уже упоминали о „Менуха-Венахла“. Другое общество „Тибериас“ создало недавно крупное хозяйство „Мигдал“ в Галилее. „Менуха-Венахла“ дало удовлетворительные финансовые результаты и, как мы уже указали, имело немалое значение в истории палестинской колонизации. Оно первое породило кадры сельскохозяйственных рабочих. К этим крупным хозяйствам прислонились и крестьянские хозяйства. Но в то-же время владельцы вновь созданных плантаций в большинстве своем не поселились на своих участках и даже не переехали в города Палестины. Для образования из них кадров трудовых поселенцев пайщики прежних „ахуз“ совершенно не подходили, ибо эти организации носили характер мелких акционерных компаний и составлялись из состоятельных элементов. Но если колонизация будет строиться на новых началах, при широком привлечении аграрного кредита, то „ахузам“ можно придать более кооперативный характер и привлечь к ним мелко-буржуазные, а отчасти и трудовые элементы.

Таким образом, при создающихся внешних благоприятных условиях, при том приливе энергии, которого следует ожидать от евреев в таком национально-творческом деле, мы будем надеяться, что трудная задача приспособления еврейской мелкой буржуазии к земледельческому труду в Палестине будет решена удовлетворительно. В этом деле нет оснований проявлять пессимизма, ибо если до сих пор еврейская колонизация развивалась медленно, то все-же в соответствующих условиях она повсюда давала результаты, и этот ценный опыт, использованный при работе в более крупном масштабе, при благоприятных условиях может дать такие результаты, какие до сих пор еще не достигались.

Но обратимся теперь к вопросу, каких-же размеров может достичь еврейская колонизация, а вместе с тем и общая иммиграция в Палестину, при предположении энергичной и успешной колонизационной работы. Мы воспользуемся для выяснения этого вопроса вычислениями того-же Я. Г. Эттингера, набросавшего в цитированной уже книге план систематической колонизации Палестины. Правда, план Я. Г. Эттингера составлен еще до появления английской декларации. Но, судя по предисловию, автор был осведомлен о предстоящей декларации и, считаясь с ней, занялся своей работой. Основные положения его работы исходят по существу из предположения об осуществлении такой декларации, ибо совершенно нельзя себе представить такой систематической колонизации при широком содействии аграрного кредита и в предположении наличности у Национального Фонда большого земельного фонда без специального покровительства местной правительственной власти. Я. Г. Эттингер предлагает три схемы колоний, в сто дворов каждая, с различным составом хозяйств [1]):

[1]) Надо заметить, что при широком развитии колонизации, когда условия безопасности улучшатся, когда страна будет в дорожном и, вообще, в куль-

№№ схемы.	Типы хозяйств в них.	Общий расход на устройство колонии.	Участие колонистов.	Участие каждого колониста.
		Франки.		
I.	80 хозяйств с преобладанием хлебопашества. 20 рабочих участков.	2.847.000	287.200	3.590
II.	40 хозяйств с преобладанием молочного хозяйства и культуры кормов. 30 хоз. с преобладанием неорошаемых древесных участков. 30 рабочих участков.	2.454.000	642.600	9.180
III.	30 хоз. с преобладан. орошаемых древесных насаждений. 20 хоз. с преоблад. огородничества. 50 рабочих участков.	2.192.500	692.300	13846

По мнению Я. Г. Эттингера все три типа колоний должны основываться равномерно. Как мы видим, он исходит из того, что параллельно с крестьянской колонизацией будет развиваться и капиталистическая, так что на 220 крестьянских хозяйств будет в связи с ними возникать 80 усадебных участков. К вопросу о возможном удешевлении колонизации Я. Г. Эттингер подходит с большой осторожностью. Он указывает, что такого удешевления можно было-бы ожидать, главным образом, по хозяйствам, основанным преимущественно на хлебопашестве, в случае если еврейские организации получат дешево земельные концессии. Что-же касается схем с преобладанием более интенсивных хозяйств, для которых главный расход состоит не в приобретении земли, а в ее оборудовании, то на существенное удешевление устройства в ближайшее время рассчитывать нельзя. А между тем мы должны стремиться к более интенсивным системам хозяйства для лучшего использования совсем небольшого колонизационного фонда. Конечно, очередной задачей должна быть выработка систем хозяйств на основе однолетних культур, которые сделали-бы возможным и более быстрое и более дешевое устройство. Но это все дело будущаго, а наличный опыт пока заставляет считаться с цифрами Эттингера.

Предположим, что система ахуз даст возможность мелкобуржуазным элементам еврейства принять широкое участие в колонизационном процессе и вложить в это дело кое-какие собственные средства.

Но если мы себе представим условия даже существенно более благоприятные, чем предполагает Я. Г. Эттингер, то все же еврейским организациям придется затратить больше 10.000 фр. на устройство семьи. Во всяком случае на устройство каждой колонии потребуется вложение со стороны еврейских учреждений минимум 1.000.000 фр.

турном отношении лучше оборудована, создание таких сравнительно крупных поселков перестанет быть необходимым. С агрикультурной точки зрения, как мы уже указали, мелкие поселки заслуживают предпочтения.

Конечно, при нормальной оплате капитала он может быть привлечен к делу в неограниченном размере. Но надо иметь ввиду, что при крестьянской колонизации речь идет об иммобилизировании капитала на долгие сроки—на много десятилетий, и за его нормальное опроцентование едва-ли можно ручаться, ввиду неподготовленности наших поселенцев к земледелию. Какие бы меры мы ни принимали к устранению этого дефекта наших поселенцев, вроде привлечения к делу элементов из среды еврейского земледельческого населения России и. т. п., все-же на этой почве неизбежны большие затруднения. Будем надеяться тем не менее, что найдется достаточно еврейских капиталов, которые будут вложены в палестинское дело, не считаясь с тем, достаточно-ли оно рентабельно.

Бóльшие затруднения представляет ограниченность того земельного фонда, который сумеют еврейские учреждения предоставить в каждый данный момент новым поселенцам, даже если-бы они получили земельные концессии. Эти концессии охватят собою земли, которые лежат в стороне от главных путей, которые запущены. Их придется еще предварительно соединить дорогами с центрами сбыта, их придется еще мелиорировать, на что пойдет и время и средства. Эти земли лишь с большой постепенностью можно будет предоставить в распоряжение новых колонистов.

Все эти обстоятельства ставят в определенные рамки еврейскую колонизационную работу в Палестине в ближайший период. Так думает Эттингер, человек близкий к делу и видящий его конкретный облик. В первые три года, полагает Я. Г. Эттингер, можно быть удовлетворенным, если удастся основать по одной колонии в 100 дворов, в следующее трехлетие можно рассчитывать создавать по 2 колонии, в третье трехлетие по 3 и так далее в арифметической прогрессии. При таком рассчете в 12 лет было бы основано 30 колоний с 3000 дворов и 15.000 душ населения. Для истории палестинской колонизации этот темп неслыханно быстрый, ибо до сих пор там сельским хозяйством живет менее 8.000 душ; этот темп более быстрый, чем идет аргентинская колонизация, хотя при наличии дешевой, не требующей удобрения земли там устройство совершается гораздо быстрее на основе хлебопашества.

„О значении этих цифр для сельскохозяйственного населения Палестины“, замечает Я. Г. Эттингер, „о том, какую высокую ценность для раскрытия экономических богатств страны и роста еврейского ее населения имеет образование тридцати новых еврейских центров, можно судить уже по тому большому значению, которое приобрели существующие уже в Палестине колонии.“ С этим нельзя, конечно, не согласиться. И надо сказать, что в прежних условиях предположения Я. Г. Эттингера пришлось бы считать едва-ли осуществимыми.

Я. Г. Эттингер предполагает, что при приливе 15.000 душ сельскохозяйственного населения они привлекут в страну 40.000 — 50.000 душ других профессий. Несомненно, что для обработки продуктов сельского хозяйства, торговли ими и обслуживания сельского населения создастся спрос на другие профессии. Правда, едва-ли этот спрос может создать такие условия, чтобы неземледельческое население превысило численность земледельческого в 3 раза.

Пример таких стран, как Дания, как Соединенные Штаты, продуктивность сельского хозяйства коих является максимальной, показывает, что пока страна основывает свое благосостояние не на экспорте продуктов индустрии, а на сельском хозяйстве, до тех пор неземледельческое население может, без роста пауперизма в городах, превысить ее сельскохозяйственное население всего в полтора раза—не более. Но и в данном случае я все-же считаю предположения Я. Г. Эттингера осуществимыми. Более быстрый рост еврейского городского населения мог бы быть вызван параллельным с крестьянской колонизацией развитием капиталистической колонизации, а также вероятным приливом в города еврейских рантье.

В каком же темпе тогда, при этих предположениях, пойдет процесс заселения Палестины? Мы видели, что за двенадцать лет в страну переселится 55—65 тыс. человек, т. е. в среднем $5^1/_2$ тысяч человек в год. До сих пор в Палестину приезжали ежегодно около $2^1/_2$ тыс. евреев и уезжали около 1 тыс. Если бы иммиграцию удалось довести до указанной нормы, а эмиграцию из Палестины удалось бы, вследствие улучшения экономических условий, ликвидировать, то это был бы существенный успех. Не следует ведь забывать, что пока палестинские города представляют весьма печальную картину. Они ведь находятся в таком состоянии, что их еврейское население пребывает в крайней бедности и живет в значительной степени подачками со стороны. Следовательно, и в городах предстоит еще трудная работа по их экономическому оздоровлению, по превращению их из центров потребления в центры производства. Такие перспективы рисует нам Я. Г. Эттингер, основательно знающий и южное хозяйство, и Палестину, и практику еврейской колонизации.

Впрочем, для решения тех кардинальных вопросов, к которым мы сейчас подходим, нас не может интересовать конкретная цифра наростания нашего сельскохозяйственного и городского населения в Палестине. Учтем новые условия, которые создадутся под'емом еврейской национальной энергии, а также пробуждением Востока. Предположим, что теперь же, в первые-же 12 лет, удастся на основе уже наличного опыта создать не 30 колоний с 3000 хозяйствами, а втрое, впятеро больше. Это было бы небывалым успехом в деле еврейской колонизации. Пусть в соответствии с этим среднее ежегодное увеличение населения путем иммиграции достигнет нормы в 15 тыс. или даже в 30 тыс. душ. Это потребовало бы громадных усилий и чрезвычайно искусной, планомерной работы по развитию производительных сил этой все-же небольшой страны. Как мы увидим, для того вывода, который мы сейчас должны сделать, имеет значение лишь порядок цифр, с которыми мы здесь оперируем.

Вывод этот состоит в том, что, как-бы успешно ни стало развиваться *палестинское дело* в новых условиях,—а на это мы должны рассчитывать, это дело, можно сказать, нашей национальной чести,—во всяком случае, *совершенно неправильно было-бы искать въ немедленного решения крупных национально-политических и экономических вопросов, которые поставлены жизнью еврейских масс в Европе, и которые приходится решать в связи с ликвидацией войны.* Мы считаем необходимым подчеркнуть этот вывод потому, что при чрезвычайной сложности национальных вопросов, которые придется решать мирному конгрессу

нельзя не опасаться того, что на нем проявится тенденция скинуть со счета еврейский вопрос. Зачем думать о судьбах еврейства в Европе, когда оно завтра переберется в Азию? Из предыдущего изложения, в котором при оценке палестинского дела с нашей стороны проявляется достаточно веры в наши организационные способности и в нашу волю к творчеству, для об'ективно мыслящего читателя не может не быть очевидным, что всякая еврейская партия, преданная защите реальных интересов еврейства, как бы она высоко ни ценила палестинского дела, ни минуты не в праве забывать еврейских интересов вне Палестины.

Но, если подойти к этому вопросу и с более узкой точки зрения и поставить себе вопрос, может-ли Палестина стать важнейшим восприемником того постоянного эмиграционного потока, который до войны изливался из Восточной Европы, то, по крайней мере, для ближайшего будущего и на этот вопрос приходится ответить с полной определенностью отрицательно. За десятилетие, предшествовавшее войне, в Соединенные Штаты прибывало в среднем по 110 тыс. евреев, а общее количество еврейских эмигрантов, оставлявших Европу, надо исчислять, примерно, в 130 тыс. человек. Сейчас трудно угадать, как сложатся условия еврейской жизни после войны. Но одно во всяком случае не подлежит сомнению, что разрушения, произведенные в хозяйственной жизни евреев войной, социальными переворотами и междоусобиями, настолько значительны, что потребность в эмиграции будет в сильнейшей мере обострена. Одна только Польша, промышленность которой почти совершенно разрушена, вследствие разрыва связей с Россией, должна дать громадное количество эмигрантов. Если после событий 1905 г. еврейская эмиграция поднялась до уровня около 200 тыс. человек в год, то в ближайшие годы надо считать, что Европа будет выбрасывать во всяком случае не меньшее число еврейских эмигрантов. Тормазом для эмиграции будет недостаток в странах, которые могли бы воспринять большие массы эмигрантов. С этой точки зрения, экономическая подготовка Палестины, как одного из восприемников еврейских эмигрантов, чрезвычайно важна для будущего, но следует с определенностью сказать, что *для той эмиграционной волны, которая подымется непосредственно после войны, Палестина не имеет решающего значения.* Она пока еще так далека от оборудования, что она едва-ли будет в состоянии принять в себя и десятую часть эмигрантов. В связи с этим мы должны со всей энергией добиваться того, чтобы двери С. Штатов остались для евреев открытыми, ибо в ближайшем будущем только эта страна может быть главным восприемником еврейской эмиграции. Если Палестину можно сравнивать сейчас, то с второстепенными странами еврейской иммиграции, вроде Аргентины или Канады. Уже более двадцати лет прошло с той поры, как еврейская эмиграция прокладывает себе дорогу в эти обширные страны, прекрасно оборудованные иностранным капиталом и находящиеся в процессе быстрого экономического расцвета. Еврейское Колонизационное Общество приложило много стараний к тому, чтобы облегчить внедрение евреев в эти новые страны и достигло в частности немаловажных успехов в деле привлечения евреев к сельскому хозяйству. И все-же еврейская иммиграция в эти страны едва достигла перед войной цифры 10 тыс. человек в год. И если-бы мы планомерной работой могли

привести к тому, чтобы и маленькая Палестина, которая сейчас не в состоянии прокормить своего наличного еврейского населения, стала теперь-же поглощать по 10.000 эмигрантов в год, то это надо было бы признать большим успехом.

Нам решительно не приходится увлекаться вычислениями о емкости Палестины, вроде тех, которые делает инж. Каплан-Капланский [1]). На ближайшие десятилетия для нас совершенно безразлично, может ли Палестина вместить в конечном счете 3 миллиона жителей или 6 миллионов. Для всякого, привыкшего экономически мыслить, ясно, что ни о какой переброске миллионов в небольшую совершенно неустроенную страну не может быть речи. Как ни стимулировать развитие экономических сил этой запущенной страны, но раскрытие таящихся в ней возможностей, хотя-бы и высокооцениваемых, есть сложный процесс, требующий десятилетий упорной работы. Эта мысль сознается сионистом С. Каплан-Капланским, который, несмотря на оптимистическую оценку емкости Палестины, в конце своего исследования все-же делает следующее признание: „С какой бы точки зрения ни рассматривать вступление Палестины на путь развития промышленности и земледелия, невозможно предусмотреть скорость этого процесса, и потому совершенно бесцельно связывать вопрос о развитии страны с непосредственными неотложными нуждами еврейской эмиграции".

Я решаюсь, однако, обобщить высказанное, распространив его не только на ближайшее будущее, но и на более отдаленное. Я думаю, что *поскольку сионисты ищут в Палестине механического решения вопросов еврейской жизни*, которые, по моему глубокому убеждению, в действительности могут быть решены постепенно, на пути культурного прогресса самих евреев и окружающих их народов, *их ждут разочарования*. Ценность палестинского дела надо искать в другой плоскости. Если нация есть культурное единство, то значение тех или других национальных творений не определяется одной только количественной стороной, оно может определяться их качественной стороной. С указанной точки зрения взгляды идеалиста Ахад-Гаама в действительности заключают в себе больше реальности, чем взгляды quasi-реалистических сионистов, мечтающих о превращении великого народа рассеяния в маленькую политическую нацию. Верно только то, что здоровые культурные ценности создаются только на здоровой экономической основе.

Особенность палестинского дела состоит не в том только, что здесь пытаются превратить в земледельцев известную часть еврейской массы. В этом отношении оно не отличается от аргентинского предприятия, которое до сих пор с этой стороны развивалось даже успешнее палестинского. Особенность *сионизма* и его значение заключается в том, что *в нем стремление евреев к автономному творчеству находит себе свое наиболее выпуклое выражение.*

---

[1]) Признаться мы не обрадовались еще более оптимистическим вычислениям профессора Баллода о емкости еврейской Палестины. Тогда перед Германией стоял еврейский вопрос, и мы опасались, что за этими вычислениями кроется практическая мысль, что решение всех вопросов в Восточной Европе можно упростить, скинув со счета евреев, которым ведь обещана такая емкая страна.

Конечно, евреи своей индивидуальной деятельностью, отражающей в себе в большей или меньшей степени особенности их национальной психики и следы их национальной культуры, оказывают глубокое влияние на культурное развитие всех передовых народов, а постольку и всего человечества. Но с момента, начавшегося в последние столетия, восприятия евреями европейской культуры, создавшего возможность их творческой работы среди окружающих народов, их собственное культурное единство и преемственность их культурной эволюции оказалась ущербленной. Их одряхлевшая религиозная культура стала разлагаться под напором европейской культуры, а создание новой культуры, на основе европейской, удается лишь с большим трудом. Стремление евреев к автономному творчеству за последние десятилетия возрастает во всех странах, где концентрируются массы еврейства, оно дает известные результаты, но все-же не имеет для себя достаточно простору, ибо культурный характер тех стран, в коих они живут, уже определился, и евреям приходится больше приспособляться, чем приспособлять окружающую среду к своей психике. Эмиграция в заокеанские страны в этом отношении ничего изменить не может, ибо культурная физиономия и этих стран также уже сложилась, и евреи могут принять более или менее деятельное участие в культурном творчестве, но не могут пересоздать их культуры на совершенно новый лад.

Для того, чтобы еврейская коллективная личность достаточно эффективно могла проявить свои творческие силы, она должна была их направить как раз на страну мало-культурную или страну упадочной культуры, каковой является Палестина, и действовать там организованно. Некультурность Палестины, которая ставит столь большие затруднения иммиграционному процессу, с указанной точки зрения является необходимой предпосылкой для выполнения намеченной задачи. Именно в таких условиях открываются наибольшие перспективы еврейскому творчеству. А историческая связь еврейского народа с Палестиной создает тот под'ем творческой энергии, который необходим для такой сложной работы. Если и теперь уже евреи являются важным фактором в экономической и культурной жизни этой маленькой страны, то они, основывая свою культуру на европейской цивилизации, имеют полное основание рассчитывать, что в будущем они могут играть в этой стране руководящую роль.

Если для многомиллионного еврейского народа, который в своей массе останется, конечно, за пределами Палестины и потому, что он слишком тесно связан с теми странами и народами, среди которых он живет, и потому, что Палестина не могла бы его принять, последняя будет иметь преимущественно культурное значение, то мы можем сказать еще больше: будущее евреев и в Палестине зависит не столько от их количества, сколько от ценности той культурной работы, которую они будут творить в стране.

Сионисты любят противоставлять все страны Палестине, называя их странами „голуса“, где судьбы евреев зависят от милости окружающего населения, в то время как в Палестине будто-бы вопрос об отношении к окружающим населениям не имеет значения. В Палестине „голус“ будет преодолен механически, ибо евреи скоро составят большинство в Палестине, и потому им нечего

много задумываться об их отношениях к окружающему населению. Этим об'ясняется полное отсутствие интереса в сионистских кругах к жизни палестинского арабского населения. Напрасно мы стали-бы искать в сионистской литературе каких-нибудь материалов на эту тему. Между тем, если значение палестинского дела для еврейства следует оценивать по преимуществу по возможным там культурным достижениям, основанным, как мы указали, на здоровой экономической базе, то и будущая роль еврейского населения в Палестине определится не в результате механического факта, не на том только, что оно составит в непродолжительном времени большинство среди местного населения. Наоборот, история палестинской колонизации уже доказала, что и здесь проявляются те социальные силы, которые сохраняют евреев в положении народа диаспоры. Условия двухтысячелетней жизни в диаспоре привели к тому, что из евреев выработался народ с исключительной умственной живостью и большой энергией и силой воли. В современном обществе, с его многосложными экономическими отношениями, построенными на основе обмена, эти психические свойства обеспечивают евреям успех при исполнении организационных функций в экономической жизни. Во всяком случае, поскольку значительная часть еврейской массы, вследствие неблагоприятных условий, лишивших ее всяких средств производства, перешла в ряды наемных рабочих, она ищет труда высшей квалификации или едет в страны с наивысшей оплатой труда. Способность евреев быстро ориентироваться в новых условиях сделала евреев подвижными. Еврейским эмигрантам, отличающимся в среде общей массы евреев наибольшей энергией и наибольшей подвижностью, меньше всего представляется необходимость опускать свой „standard of life“ ниже определенного уровня. Следствием этого и явился тот факт, что евреи не могут и не желают конкуррировать в качестве неквалифицированных рабочих с арабами Палестины, подавленными многовековым гнетом. Как в большинстве стран, так и в Палестине мы наблюдаем, что низшие экономические функции выполняют арабы, высшие—евреи. Последние, несмотря на поддержку еврейских организаций, составляют меньшинство в среде рабочих и естественно тяготеют к работам высшей квалификации. Будем надеяться, что прилив капитала в Палестину улучшит условия труда для всего рабочего населения Палестины, но от этого выиграют и арабские, и еврейские рабочие, а потому, если увеличится прилив еврейских рабочих, то и усилится предложение рабочих рук и со стороны арабов, так что численное соотношение рабочих той и другой группы может изменяться в сторону увеличения первых лишь весьма постепенно.

Что касается относительной численности крестьянского еврейского и арабского населения, то, во-первых, надо считаться с теми трудностями, которые встречает еврейская крестьянская колонизация, а затем и с тем, что в распоряжение евреев, даже при передаче им казенных земель, перейдет только часть земельного фонда. Мы, конечно, не должны и не можем покушаться на земельный фонд арабов, как это делают кое-где европейские правительства в завоеванных ими колониях. Нам придется быть осторожными даже при покупке земли у шейхов, поскольку это касается земельного фонда, на котором основывается хозяйство арабов, если мы желаем избегнуть глубоких антагонизмов между двумя слоями

населения, которые должны жить между собой в мире и согласии. Из этого, конечно, нельзя делать вывода, что мы должны ограничиться казенными землями. Опыт еврейской колонизации уже доказал, что те земли, которые во владении арабов лежали впусте, за отсутствием у последних средств и знаний для их использования, во владении евреев были использованы под самые дорогие культуры. Но во всяком случае в Западной Палестине значительная часть и притом едва-ли не лучших пахотных земель останется в руках арабов, и это тем более, что народ этот способен к культуре, и, как показал опыт, охотно учится новым приемам сельского хозяйства у евреев и у немцев. Надо надеяться, что новый режим в Палестине исполнит свой долг и по отношению к угнетенному феллаху, и он почувствует, что и для него наступила заря новых лучших времен. А потому в будущем экономическое положение арабского крестьянства должно укрепиться.

По всем этим соображениям довольно трудно себе представить, чтобы евреи в недалеком будущем составили большинство крестьянского населения в Западной Палестине. Больше надежд можно возлагать на слабонаселенные восточные районы Палестины. Однако, что касается Iорданской долины, которая так запустела, и которая, быть может, в порядке концессий перейдет в руки еврейских организаций, то нельзя еще считать окончательно выясненным, сумеют-ли европейские евреи работать в тропическом климате этой страны, куда освежающие бризы не доходят. Наилучшие перспективы открываются перед евреями в ныне запустевшем Заиорданьи. Здесь возможно было бы быстро создать более компактное еврейское население, а при помощи новых приемов мелиораций земель продвинуть культуру и вглубь Сирийской степи.

Что касается арабского населения городов, то и оно, конечно, хорошо использует вновь открывшиеся возможности. Вообще, по своей интеллектуальной живости оно мало отличается от еврейского населения и своих позиций ему не уступит. Особенно это следует сказать про довольно значительное христианское население палестинских городов. Точно также при создании крупной промышленности далеко нельзя питать уверенности, что в Палестине она будет основана только на еврейском труде. Тем не менее, значительное увеличение численности еврейского населения вполне возможно за счет создаваемого евреями оживления края.

Для того чтобы несколько ближе разобраться в сравнительной численности в будущем арабского и еврейского населения, необходимо исходить из численности настоящего населения Палестины, которое известно лишь приблизительно. За основу мы берем официальную регистрацию, сделанную в начале 1915 г., которую Руппин, согласно мнению компетентных лиц, считает необходимым увеличить на 25%. Если взять Палестину в более узком масштабе, включив в нее целиком мутассарафлики Iерусалим, Наблус, Акку, а из мутассарафлика Бейрута только находящуюся между Литани и Iорданом казу Мердж-Аджлун, из мутассарафлика Дамаск казу Цебедани, из мутассарафлика Гауран казу Аджлун и из мутассарафлика Керак казу Эс-Сальт, то общая численность населения Палестины определится в 1030 тыс. Однако, при таком очертании Палестины

колонизационный фонд был бы уж очень ограничен, а потому приходится район колонизации расширить, включив с севера казу Сур (Тир), но не Сайду (Сидон), включив еще 3 юго-западные казы Дамаска—Рашею, Хашбею и Кунетру, включив весь мутассарафлик Гауран, как самый ценный для развития хлебопашества, и, наконец, включив еще три казы из мутассарафлика Керака, а именно Керак, Маан и Тафиле—степной район, тогда численность населения этой Greater Palestine определится в 1.360 тыс. душ. Согласно данным Руппина, евреев числилось на этом пространстве только 85 тыс. душ. Однако, эта цифра, видимо, преувеличена. Это явствует из результатов переписи 1916—17 г. въ Іудее. Вместо 64 тыс. евреев, перепись показала всего только 42 тыс. Конечно, вызванная войной эмиграция и усиленная смертность сократили еврейское население. Но несомненно, что это сокращение не могло быть столь значительным, и что прежние исчисления были неверны [1]). Если взять очень невысокую норму возрастания населения в 1,5%, то окажется, что в Палестине в более широком об'еме нееврейское население ежегодно возрастает на 19,1 тыс. душ, еврейское на 1,3 тыс. душ. Из этих цифр вытекает, что даже при иммиграции евреев в 30,000 человек в год еврейское население в близком будущем еще не могло-бы сравняться с нееврейским по численности, а между тем такую цифру иммиграции, как мы показали, следует признать очень высокой для такой небольшой страны. Далее приходится учесть также и то обстоятельство, что малокультурное трудовое население при улучшении его экономического положения начинает размножаться очень быстро. Так, арабское население Египта за последние десятилетия увеличивалось в год на 1,8%. Наоборот, еврейское население, поскольку оно отстает от старых патриархальных нравов и усваивает себе новые воззрения (а новые иммигранты далеки от ортодоксии), уменьшает процент своего размножения. Все эти соображения заставляют нас отнестись с большим сомнением как раз к тому, что сионистам представляется легко осуществимым, к предположению, что евреи в непродолжительном времени сумеют стать большинством в стране [2]).

---

[1]) В сионистской литературе численность общего населения Палестины обычно преуменьшается, а еврейского населения преувеличивается, и, таким образом, получается вывод, будто-бы уже теперь относительная густота еврейского населения в Палестине выше, чем в какой-бы то ни было стране. Утверждение это совершенно неправильно,—на территории прежней Польши относительная численность еврейского населения почти вдвое гуще, чем в Палестине.

[2]). Для нашего палестинского дела некоторой параллелью может служить колонизация Алжира, страны с весьма сходными естественными условиями и со сходным туземным населением.

Еще с конца сороковых годов прошлого века французское правительство стало усиленно поощрять колонизацию этой страны французами, не останавливаясь перед большими безвозвратными затратами. Правительство располагало обширными землями, которые оно конфисковало у туземцев в наказание за имевшие здесь место восстания. Французы в настоящее время играют видную роль в местном сельском хозяйстве. Особенно успешно развилось здесь виноделие, которое дает здесь, по крайней мере, в 100 раз больше вина, чем производит Палестина. Но там заметно то же явление, как и в Палестине: французский рабочий с туземным конкурировать не может. Француз играет

И по этому вопросу нам приходится сделать тот-же вывод, как и по предшествовавшему. Если Палестина не является механическим средством для решения коренных вопросов еврейской жизни, то и *в Палестине евреи могут претендовать на руководящее положение, не благодаря своему количественному преобладанию, а благодаря культурной ценности своей там работы.*

Вместе с тем для нас не может не стать ясным, что вопрос об отношении евреев к окружающему населению—вопрос, от которого сионисты хотели-бы отмахнуться, как от специфической будто-бы проблемы „голуса“, что вопрос этот в Палестине столь-же актуален, как во всякой другой стране. И к этому вопросу приходится подойти с большой осторожностью, ибо Палестина лежит в самом центре пробуждающегося к новой жизни мусульманского мира и в частности арабского народа. Кругом Палестины расположились важнейшие центры культурной и религиозной жизни арабов, как Дамаск, Бейрут, Каиро, Медина. А между тем пока еще евреи совершенно не позаботились об установлении тесного контакта с общественным мнением арабов. Такой контакт так же необходим в Палестине, как в любой стране так-называемого „голуса“. Я скажу даже больше: если мы претендуем занять в Палестине руководящее положение, то этот контакт должен быть гораздо более тесен, чем в любой стране. В таких условиях национальная исключительность и шовинизм явились бы наименее уместными.

Возможен-ли такой тесный контакт с окружающим арабским, преимущественно мусульманским, населением? Вопрос этот подлежит более обстоятельному, чем это входит в мои здесь задачи, исследованию. Я полагаю, что такой контакт вполне возможен. Происходящее на наших глазах, возрождение арабской культуры является совместной работой мусульманской и христианской интеллигенции, причем вторая играет руководящую роль. Религиозные различия не являются здесь непреодолимым препятствием для совместной работы. В то-же время народные массы арабов стоят еще на низком культурном уровне, при котором руководительство со стороны более культурного элемента, не обособляющегося от этой

преимущественно роль организатора производства. Численность французского сельского населения достигла к 1906 г. 209 тыс. человек. Из общей массы 5232 тыс. жителей на долю всех европейцев вместе приходилось 570 тыс., т. е. около 11%. Качественные результаты французской работы блестящи: теперешний Алжир есть культурная страна. Но французы, конечно, и не мечтают о том, что они составят в стране большинство. Леруа-Болье, сторонник колонизации Алжира, полагал, что эта страна, гораздо более обширная, чем Палестина, может принять в себя максимум 25 тыс. человек в год. А между тем даже лучшие прибрежные районы Алжира до сих пор еще реже населены, чем Западная Палестина. Правда, сельское население Франции не бедно и крепко связано с родной почвой. Но мало-и безземельные земледельцы имеются во Франции в большом количестве. Кроме того, в Алжир прибывают эмигранты из Испании, Италии и других стран, которых правительство натурализует.

Итак, этот опыт, вообще удачной, колонизации не говорит за то, что европейцы могут быстро стать большинством в редко населенной полукультурными земледельцами стране. Впрочем, мы не считаем этого примера вполне сходным и решающим вопрос для Палестины.

массы и стремящегося ее с собой сблизить, вполне достижимо [1]). Когда-то евреи в эпоху первых царей и въ эпоху персидскую сумели такую задачу удачно решить, и решили ее совсем не так, как этого желали-бы позднейшие воинствующие фанатики пиетизма. Будем надеяться, что и современные евреи сумеют выполнить эту, правда нелегкую, задачу. Для этого евреям, даже и чуждым ортодоксальной и национальной исключительности, пришлось бы, однако, многое пересмотреть в своей идеологии.

Я позволю себе в заключение сделать еще один вывод, который сионисты обыкновенно меньше всего имеют в виду. Одним из центральных вопросов политической жизни, который теперь поставлен, есть вопрос возрождения древних стран Передней Азии, где зародились основы современной цивилизации, к новой жизни. Спор из-за того, кому должна принадлежать гегемония в этом деле, явился одной из причин великой войны. Спор пока закончен победой Согласия, и оно, как я указал, не потерпит уж того, чтобы в будущем производительные силы этих обширных стран остались не использованными. И вот совершенно невозможно представить себе, чтобы *евреи* могли замкнуться в рамках Палестины. Они, конечно, из этих рамок выйдут и *примут самое деятельное участие в работе по возрождению Передней Азии*. Та творческая работа, которую евреи проделают в Палестине, будет иметь для них большое воспитательное значение, и можно рассчитывать, что их деятельность и на другой арене, среди мусульманского мира, душу которого евреям легче понять, чем христианам, будет тем более плодотворной, тем более творческой и глубокой. Этого плода своей деятельности сионисты не предвидят и даже, может быть, не желают. Но в исторической жизни результаты коллективных усилий всегда существенно отличны от суб'ективных намерений действующих групп. Имея это в виду, можно заранее сказать, что движение евреев в Палестину является, вероятно, началом более широкого их передвижения на Восток, и, быть может, в его возрождении им предстоит сыграть очень крупную роль.

Мы пытались с возможной об'ективностью выяснить себе экономическую ценность Палестины, определить значение достигнутого евреями в этой стране,

---

[1]) Недавно вышли в русском переводе избранные сочинения арабского писателя Амина Рейхани, христианина из Ливана. При чтении их мне пришлось убедиться, что автор имеет в виду на первом плане сирийских арабов, но одинаково как христиан, так и мусульман. А затем я убедился, что арабская интеллигенция еще молода; ей еще кажутся свежими и новыми весьма стомные идеи европейской цивилизации, и их восторг перед этими идеями мне напомнил русских писателей 18-го столетия. Это открывает перед культурным влиянием евреев большие переспективы.

Вспоминаю также мою единственную встречу с представителем арабской интеллигенции; это была иерусалимская дворянка без кавычек—дочь арабского шейха, христианка. Она была умная, энергичная женщина, настроенная национально и демократично; живя временно в России замужем за русским, она страстно рвалась вернуться на родину. Из ее рассказов о Палестинской жизни я усмотрел, что вероисповедные различия не мешали ее сближению с фелахами и бедуинами, и что в Иерусалиме она вращалась в обществе людей различных религий.

наметить вехи для возможной работы в будущем и, наконец, отделить достижимое от того, что представляется иллюзорным. Нам остается сделать вывод об отношении, которое различные группы еврейского общества, не стоящие на почве сионизма, не усматривающие в нем решения еврейского вопроса, должны проявить к работе в Палестине. Я думаю, что те элементы еврейского общества, которые дорожат еврейством, как известной культурной коллективностью, не могут отнестись равнодушно к представившейся возможности нашего автономного, культурного творчества в стране, с которой еврейство связано глубокими культурными традициями. То, что 20 лет тому назад представлялось невозможным,—международная постановка вопроса об отношении евреев к Палестине — то, в момент величайшего мирового кризиса, стало действительностью. Вера в это событие и энергичная работа во имя намеченной цели есть заслуга сионизма перед еврейством. Но политические события — явления вторичного порядка, они проходят по поверхности жизни народов; социально-экономическіе основы явлений в конце концов являются определяющими факторами. Исследование этих социально-экономических основ нас убедило, что значение палестинского дела существенно отлично от того, каким его себе представляют сионисты. Однако, это еще не может служить основанием для отказа от совместной работы с ними. И до сих пор, если сионисты и проявляли наибольший энтузиазм в палестинском деле, то творили его не они одни. Достаточно вспомнить про такие учреждения, как ICA, как Hilfsverein d. deutschen Juden, как Alliance Israélite Universelle или хотя бы про Эдмунда Ротшильда, чтобы убедиться въ том, что реальная работа всегда творилась в Палестине еврейскими общественными силами, чуждыми сионизма, как политического течения. Тем более это должно быть теперь. Новые возможности творческой культурной работы в Палестине должны быть полностью использованы, и это несомненно обогатит нашу национальную жизнь новыми ценностями, значение коих, как мы сказали, никогда не определяется количеством, а качеством. И первым шагом к этой совместной национальной работе должна быть об'единенная защита национальных прав евреев в Палестине перед мирным конгрессом всеми элементами еврейского народа, верящими в его творческие силы и стремящимися к их свободному проявлению.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие . . . . . 3—5

I. Страна. . . . . . 7—24

Восток, Сирия и Палестина 7.—Границы и площадь Палестины 7—8.—Районы Палестины 8—10.—Климат Палестины 10—11. - Палестина в древности и теперь 11—12.—Сельское хозяйство Палестины 13—15.—Культурный упадок Палестины и турецкий режим 15—17.—Промышленность Палестины 18.—Торговля 18.—Европейская иммиграция и прогресс Палестины 19—21.—Дорожное строительство 21—22.—Прогресс Египта и Палестина 23—24.—Младотурецкий режим 24.

II. Евреи в Палестине. . . . . . 25—39

Еврейское население городов и колоний 25—26.—Старый „jichuw“ в городах 26—27.—Новый „jischuw“ в городах 27—28.—Начало еврейской колонизации 28—29.—Система Ротшильда 29—30.—Система ICA 30—32.—Капиталистическая колонизация 32—34.—Еврейские рабочие 34—35.—Результаты еврейской низации 35—36.—Турецкий режим и еврейская колонизация 36—38.—Значение колонизационного опыта 38—39.

III. Перспективы еврейского дела в Палестине и его значение . . 40—61

Сельскохозяйственные перспективы 40—41.—Перспективы промышленности и торговли 42—44.—Перспективы еврейского труда 44—45.—Стоимость устройства хозяйства 45—46.—Методы колонизации 46—48.—Возможные размеры еврейской иммиграции 48—50.—Социально-экономические проблемы еврейства и Палестина 51—54.—Культурная ценность палестинского дела 54—56.—Евреи и арабы 56—59.—Евреи и возрождение Передней Азии 59.—Палестинский вопрос на конгрессе мира 60—61.